Пон-Жест, Р. де

ЖЕМЧУЖНАЯ РЕКА
ГЕРЦОГИНЯ КЛАВДИЯ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Рене де Пон-Жест

Жемчужная река. Герцогиня Клавдия

«Алгоритм»
до 1904 г.

УДК 821.133.1
ББК 84(4 Фр)

де Пон-Жест Р.

Жемчужная река. Герцогиня Клавдия / Р. де Пон-Жест — «Алгоритм», до 1904 г.

ISBN 978-5-486-03628-6

Леон-Рене Делмас де Пон-Жест (1830–1904) – французский писатель, путешественник, автор нескольких десятков романов, в основном приключенческих и детективных. Служил во флоте, много странствовал по миру, главным образом по Юго-Восточной Азии. Оставил интересные воспоминания о своих путешествиях в Индию и Китай. В этом томе представлены два произведения Пон-Жеста. «Жемчужная река» – роман из жизни Китая XIX века. В нем появление таинственного незнакомца сопровождается странной кражей, а последовавшее за ней ужасное преступление открывает вереницу захватывающих событий… Действие романа «Герцогиня Клавдия» происходит в Париже в середине XIX столетия. Дама полусвета Женевьева Фремроль, разбогатевшая содержанка, мечтает о счастье и громком титуле для своей дочери Клавдии. Герцог Роберт де Бланжи-Порталь, светский шалопай, игрок и кутила, напротив, стремится поправить свое финансовое положение, женившись на состоятельной женщине или богатой наследнице. К сожалению, так хорошо начатое дело заканчивается трагически из-за ужасной тайны, скрывавшей прошлое мадам Фремоль.

УДК 821.133.1
ББК 84(4 Фр)

ISBN 978-5-486-03628-6

© де Пон-Жест Р., до 1904 г.
© Алгоритм, до 1904 г.

Содержание

Жемчужная река 7
Часть I 7
Глава I 7
Глава II 9
Глава III 11
Глава IV 13
Глава V 15
Глава VI 17
Глава VII 19
Глава VIII 22
Глава IX 24
Глава X 26
Глава XI 30
Глава XII 33
Глава XIII 36
Глава XIV 38
Часть II 42
Глава I 42
Глава II 46
Глава III 49
Глава IV 52
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Леон-Рене Делмас де Пон-Жест
Жемчужная река. Герцогиня Клавдия

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010
© ООО «РИЦ Литература», 2010

Жемчужная река

Часть I
Капля воды

Глава I
Свадьба Линга

Смеркалось. Над Жемчужной рекой поднимался легкий туман, и суда всех национальностей, стоявшие в ее водах, казались какими-то фантастическими призраками. В камышах засыпали последние птицы. Лилии закрывали на ночь свои лепестки, а кувшинки ложились на волны, как бы повинуясь звукам гонга, призывавшим к вечерней молитве, к ночному отдыху.

На правом берегу реки, единственном водном пути между Макао и Кантоном, ярко сияла огнями богатая вилла, точно остров звуков и света во мраке и безмолвии. Далекое эхо разносило веселые переливы оркестра. Тысячи пестрых фонариков придавали что-то волшебное ее роскошным садам.

Непрерывно рвались пестрые ракеты, описывая в небе причудливые дуги, и падали в рисовые поля, пугая диких голубей, метавшихся во мраке.

Это была вилла молодого Линга Таланга, пышно и весело справлявшего свою свадьбу.

Гости как будто забыли про время. Напрасно поджидали их разукрашенные флагами лодки и паланкины. Напрасно Линг мечтал о минуте, когда дверь закроется за последними гостями, чтобы войти в брачный покой и наконец увидеть ту, лицо которой было ему так же незнакомо, как и ей – его собственное. Ибо соблюли они древний обычай Срединной империи, где супруги узнают друг друга лишь тогда, когда их судьбы связаны навеки.

Линг знал, что жену зовут Лиу Сиу и что десятилетняя девочка не могла бы надеть ее розовых атласных башмачков. Отец его, Линг Тиэнло, один из видных торговцев Кантона, сказал ему, что пора оставить пустую, разгульную жизнь и что он подыскал ему достойную супругу. И сын повиновался. Он обменялся со своею суженой обычными подарками, и три месяца спустя роскошный паланкин палисандрового дерева с инкрустациями из слоновой кости переступил порог его виллы.

Из паланкина вышла окутанная дымкой вуалей, затканных золотом и серебром, та, что стала его вечной спутницей и супругой. Служанки быстро увлекли ее в брачные покои. Но Линг утешал себя мыслью, что эти комнаты убраны со всею роскошью и изысканностью китайского вкуса, и каждая мелочь, попадающаяся на глаза Лиу Сиу, без слов докажет ей его любовь.

Но шум и блеск праздника отвлек его от долгих размышлений.

Дом был буквально запружен народом. Среди гостей было много незнакомых лиц, потому что, по законам китайского гостеприимства, двери дома должны быть открыты для всех, желающих переступить его порог.

Среди всей этой толпы Линг чувствовал себя как в лесу. Приходилось все время отвечать на тосты, и к закату солнца голова его трещала от шума и хмеля, и он мечтал об одном: как бы поскорее исчезнуть и подышать в саду вечерней прохладой.

Он знал, что гости столпятся на террасе, как только кантонские акробаты начнут представление, и рассеянно прислушивался к льстивым поздравлениям и громкой музыке оркестра.

Линг так устал, что не заметил двух странных и совершенно не похожих друг на друга гостей. Оба не спускали глаз с новобрачного и совершенно не принимали участия в общем веселье.

Первый был юноша с бледным, строгим и печальным лицом ученого. По его одежде и медному шарику на шапке легко было узнать астронома из пагоды Ми. Вошел он одновременно с паланкином невесты. Горестным взглядом глядел он ей вслед. Но когда двери брачного покоя захлопнулись за нею, он смешался с толпою и долго бродил по вилле, не сливаясь с общим весельем. Несколько раз направлялся он к двери и каждый раз возвращался обратно, точно его удерживал какой-то непреодолимый магнит. Несколько раз Линг Таланг приветствовал его дружеской улыбкой, и молодой ученый отвечал на поклоны, так болезненно и натянуто улыбаясь, что всякий другой, менее ослепленный любовью, обратил бы на это внимание.

Другой гость еще резче выделялся на общем фоне. Он был очень высок, худощав и вульгарен, несмотря на роскошный костюм негоцианта. Его большие выпуклые глаза то и дело наливались кровью и смотрели на Линга магнетическим взглядом, а толстые красные губы подергивались насмешливо-жестокой улыбкой, придавая его лицу грубое, животное выражение.

Незнакомец пришел на пир в сумерки, и хозяева так и не заметили его появления – верно, потому, что он все время оставался в саду. Можно было подумать, что он пришел не на свадьбу, а для изучения плана сада, каждого тенистого уголка, каждой аллеи.

Заметив молодого ученого, незнакомец скрыл сверкнувшую на лице радость и двинулся в галерею, где жонглеры и акробаты готовились начать представление. Стараясь не обращать на себя внимания, незнакомец не отставал от молодого ученого и, когда прозвучали удары гонга и публика ринулась к галерее, подошел к нему вплотную. Пользуясь давкой, он быстро отрезал веер, висевший на поясе у молодого человека, и нырнул в толпу, уступая место любопытным. Кража была сделана так ловко, что никто ничего не заметил.

Видя, что внимание публики направлено на акробатов, Линг Таланг выскользнул из толпы и со вздохом облегчения спустился в сад. С нежностью взглянул он на занавешенные окна жены: еще несколько минут, час самое большее – и они узнают наконец друг друга.

Незнакомец спрятал под платьем украденный веер и быстро вышел с противоположного конца галереи, не спуская глаз с жениха. Прячась в тени деревьев, пошел он по аллее, параллельно той, по которой шел Линг.

По-видимому, он твердо знал, что в ста шагах, в чаще кактусов и алоэ, обе дорожки скрещиваются.

Фонарики понемногу догорели. Парк погрузился во мрак и безмолвие. Ровно час спустя кто-то быстро и властно постучался в двери брачного покоя. Служанки закрыли лица вуалями и открыли двери, впуская того, кто пришел сюда как господин. Затем, не оборачиваясь и не поднимая глаз, вышли и тихо заперли за собой двери.

Глубокое молчание царило над виллой. Только с Жемчужной реки долетали тягучие песни гребцов, а с дороги – голоса носильщиков, разносивших по домам запоздавших гостей Линг Таланга.

Глава II
Кровавый отпечаток

Китайские дома построены совсем не так нелепо, как думают европейцы. Наоборот. Хотя китайские зодчие употребляют мрамор и камни только для храмов и дворцов, они строят прелестные дома и дачи, великолепно приспособленные к нравам и потребностям населения.

Редко бывают они двухэтажными, но зато всегда делятся на две строго разграниченные половины: половину хозяина, где он принимает гостей, и на половину его семьи. Ибо китаец общителен в общественных делах, в празднествах и приемах, но замкнут до тайны в своей семейной жизни. На половине семьи кроме спален помещается столовая, ванная, кухня и особая комната, посвященная предкам и гениям домашнего очага.

Китайцы любят роскошь и нарядную обстановку. Но особенно украшают они комнаты женщин. Вот почему покои Лиу Сиу были образцом утонченного вкуса и роскоши. В этих небольших, очаровательно убранных комнатах были собраны все редкости национального китайского стиля, так поражающего европейцев своей вычурной экзотикой.

В самом конце помещалась спальня, куда на Дальнем Востоке не проникает никто, кроме мужа. Это было настоящее чудо искусства. Густая, шелковистая циновка, нежнее тканей Кашмира, покрывала мозаичный паркет. Стены были обтянуты тяжелым желтым шелком с вышитыми на нем фантастическими героями буддийской мифологии, а точеная резная мебель из сандалового дерева наполняла воздух тонким ароматом.

Вокруг всей комнаты тянулся низкий широкий диван, покрытый мехом голубых песцов. Райские птички порхали в золоченых клетках. Редкие растения пышно расцветали в жардиньерках из тончайшего фарфора с эмалью, а на низкой постели, за занавесками тончайшего газа, две атласные подушки ожидали новобрачных.

В изголовье, на столике из порфира, стоял великолепный ларчик из слоновой кости. Осмотревшись и налюбовавшись пышной обстановкой, Лиу Сиу с любопытством его раскрыла. Она знала, что это свадебные подарки мужа, приподняла крышку – и так и замерла от восхищения.

Там были изящные золотые браслеты в виде переплетающихся змей и драконов с изумрудными глазами, ожерелья из серого и розового жемчуга, большие шпильки из халцедона, потому что замужние женщины не должны спускать на спину косы, серьги из бледно-розового точеного коралла, перламутровые, разрисованные тончайшей кистью веера и тысячи разных безделушек, которым нет цены.

Маленькие ручки с розовыми ногтями радостно перебирали все эти сокровища. А самой невесте было не более пятнадцати лет. У нее были прелестные бархатные глаза, прелестная детская улыбка. И наивная радость восхищенного любопытства освещала нежное личико оттенка слоновой кости.

Ларец с драгоценностями надолго отвлек ее от смутного ужаса, леденившего ее сердечко. И служанки дали ей вволю нарадоваться. Но время шло, и они предупредили ее, что пора готовиться к встрече супруга. Пир закончен, гости расходятся по домам. Лиу Сиу покраснела и низко опустила голову. Дрожь пробежала по ее плечам, когда она почувствовала, что с нее снимают праздничные одежды, плотно закутывавшие ее с ног до головы.

И скоро она осталась одна, еле прикрытая полупрозрачным шелком, дрожащая и испуганная. Она казалась такой маленькой и беспомощной в своей пышной комнате, слабо освещенной хрустальной масляной лампой. Со страхом прислушивалась она к последним звукам оркестра, к аплодисментам запоздавших гостей, восторгавшихся ловкостью кантонских акробатов.

Вдруг кто-то властно стукнул три раза в дверь. Она понимала, что означает этот стук, и сердце ее забилось как птичка.

В ужасе бросилась она на кровать. Длинные занавески покрыли ее точно саван. И она с трудом сдержала крик ужаса, увидев того, кому должна была принадлежать. Слишком хрупкая, чтобы пережить такое потрясение, она потеряла сознание, чувствуя, как жадные губы впиваются ей в плечо сильным, как укус, поцелуем.

Лампа догорела и погасла. Умолкли птицы в золоченых клетках. Ночь медленно текла над миром…

И много часов пролетело над виллой, и ни один звук не нарушал ее спокойствия.

Когда Лиу Сиу очнулась, было утро. Обморок перешел у нее в сон. Но, разбитая и измученная, со странной пустотой в голове, она все же почувствовала себя спокойнее. Ей хотелось собраться с мыслями, отдать себе отчет во всем, что произошло. Неподвижно лежала она на постели, не открывая глаз, не смея шевельнуться, чтобы не разбудить того, кто спал рядом с нею и чьей женой она стала навеки. Но ничего не могла припомнить.

Вдруг страшный крик донесся из глубины сада. Она вздрогнула, открыла глаза. Тот же крик повторился, потом другие… Она привстала, с ужасом прислушалась. Ей показалось, что кричавшие с ненавистью и угрозами повторяют ее имя. Потом быстрые шаги раздались под окном на террасе. Резко распахнулась дверь, и в комнату влетел мужчина с искаженным страданием лицом.

– Мой сын! Что ты сделала с моим сыном? – бросился он к Лиу Сиу.

Это был Линг Тиэнло, отец новобрачного. Слуги толпились за ним, не смея переступить порог. Молодая женщина инстинктивно протянула руку, ища у мужа защиты, обернулась… Но кровать была пуста. Обезумев от ужаса, ничего не соображая, думая, что все это – сон, кошмар, она сползла на пол и, испуганно сжимая ручки, глядела на Линг Тиэнло вопрошающими глазами. Он же не смотрел на нее: глаза его были с ужасом прикованы к брачному ложу, губы молча шевелились, и дрожащая рука указывала на подушку, с которой поднялась Лиу Сиу.

Присутствующие ответили на его жест смутным ропотом, и все глаза обратились к постели. Лиу Сиу тоже обернулась, с ужасом отшатнулась, глухо вскрикнула и, упав на колени, закрыла лицо руками. На атласной подушке, где только что мирно покоилась ее голова, краснел отпечаток окровавленной мужской руки, а пустой ларец от драгоценностей валялся на циновке.

Слуги молчали. Никто не смел шевельнуться, нарушить молчание. Только тихо рыдала новобрачная.

Вдруг Лиу Сиу почувствовала, что кто-то резко схватил ее, заставляя подняться. Это отец мужа пришел в себя и яростно тряс ее, повторяя:

– Отвечай! Что ты сделала с моим сыном?

– Не знаю, – пролепетала она. – Я думала, он здесь. Почему он ушел?

– Почему, несчастная! Почему!.. И ты еще смеешь спрашивать! Сейчас узнаешь почему!

Он подхватил ее на руки, как ребенка, бегом пронес через террасу, через сад к густому кустарнику и грубо швырнул на землю:

– Смотри, несчастная! Вот что ты сделала! Вот мой сын, твой господин и супруг.

Линг Таланг лежал на дорожке в луже крови. Лицо его было искажено последней судорогой боли, праздничная одежда сорвана. Широкая рана разевала на груди кровавую пасть, обнажая остывшее сердце.

Лиу Сиу наконец поняла. Ее обвиняли в убийстве. Как подкошенная упала она возле мужа лицом в кактусы.

А Линг Тиэнло набожно опустился на колени, потом что-то приказал слугам и молча удалился, не заботясь о той, что была для него лишь убийцей.

Глава III
Арест

Лиу Сиу долго лежала без памяти возле убитого мужа. Скорее из стыдливости, чем из сострадания, служанки прикрыли ее куском темного полотна.

Наконец прискакал префект полиции Фо Гоп. Это был расторопный молодой человек, недавно назначенный на должность префекта и очень гордившийся этим званием. Он знал, что отец убитого – человек важный и богатый, и всячески старался доказать свою ловкость и усердие.

Весть об убийстве молодого Линга быстро облетела окрестности. Несмотря на ранний час, огромная толпа любопытных собралась у ворот виллы. Пришлось забаррикадировать ворота; слуги боялись, что народ ворвется в парк и устроит самосуд над новобрачной.

Завидев красные шапки полиции, толпа радостно заревела и расступилась, не ожидая кнута.

Фо Гоп постучался, назвал себя. Его впустили, и он двинулся в сад, приказав запереть калитку.

Линг Тиэнло сидел на скамейке у входа, закрыв лицо руками.

Префект подошел к нему, осторожно тронул за плечо. Несчастный отец поднял голову. Глаза его были полны слез. Злоба сменилась молчаливым отчаянием, свойственным сильным натурам. Понимая, что надо взять себя в руки, старик выпрямился и знаком приказал Фо Гопу следовать за собой.

Молча подошли они к убитому.

Сжавшись в комочек, как растоптанный цветок, Лиу Сиу лежала возле трупа. Казалось, что она мертва. И только дрожащая от рыданий грудь показывала, что она жива.

Труп был прикрыт роскошным шелковым покрывалом. Лежал он в той же позе, как его нашли, и ни одна рука к нему не прикоснулась, ибо в Китае запрещено прикасаться к убитому, прежде чем власти осмотрят и жертву, и место убийства и восстановят, таким образом, картину преступления. По китайским законам предают суду не только убийц, но и тех, на чьей земле совершено преступление.

Внимательно осмотрев место преступления и жертву, Фо Гоп подробно допросил отца и приказал раздеть убитого. Линг Тиэнло в ужасе отвернулся, а префект стал на колени и долго и внимательно осматривал рану и все тело Линга. Затем встал и медленно прошелся по аллее, глубоко задумавшись.

– Благородный Линг Тиэнло, – сказал он наконец, – ваш сын убит рукою сильного и рослого мужчины. Женщина не могла бы нанести ему такую глубокую и широкую рану. Скажу больше: его прикончили, когда он уже не мог сопротивляться. Посмотрите: на дорожке возле самого трупа нет никаких следов борьбы. А между тем в нескольких шагах отсюда я нашел место, где долго топтались два человека. Несомненно, там на него напали, там он и упал. Но борьба была рукопашная, потому что ни на земле, ни на одежде вашего сына я не нашел ни одного пятнышка крови. Поэтому я полагаю, что его убили здесь.

– Что же вы, собственно, думаете? – спросил Линг-отец, с ужасом слушая рассуждения префекта.

– Ваш сын был схвачен в аллее. Его ошеломили, а может быть, и придушили. Затем убийца притащил его сюда и прикончил кинжалом. Доказательством может быть то, что между местом борьбы и местонахождением трупа я нашел следы одной пары ног. Смотрите,

какие крупные и глубокие следы. Это следы человека, нагруженного чем-то очень тяжелым. Иного объяснения не придумать. Не правда ли, Мим По?

Мим По, домашний врач семейства Лингов, стоял на коленях возле убитого и внимательно рассматривал рану.

– Да, вы, несомненно, правы, – ответил он, вставая. – Рана нанесена тяжелым оружием с двумя лезвиями. Такое оружие слишком тяжело для женских рук. Обратите внимание и на губы убитого: их цвет и припухлость показывают, что перед нанесением раны его заставили выпить если не яду, то очень сильного наркотика. Но что именно – я затрудняюсь сказать.

Довольная и радостная улыбка мелькнула на губах префекта. Но, приняв строго-деловой вид, он сказал, обращаясь к хозяину дома:

– Благородный Линг Тиэнло, вы можете перенести тело вашего сына в дом. А эта женщина, – добавил он, указывая на Лиу Сиу, – пусть ожидает меня в своей комнате. И пусть туда соберутся все ее служанки. Я просил бы также запереть ворота, чтобы никто не мог выйти из вашего дома.

Лиу Сиу слушала все это и, казалось, ничего не понимала. Ее блуждающий взгляд переходил от окровавленного тела на Линг Тиэнло и всех присутствующих и снова неотвязно возвращался к телу. Можно было подумать, что она сошла с ума.

Почувствовав, что ее поднимают, Лиу Сиу попробовала встать, но ноги подкашивались. Пришлось взять ее на руки.

Поднимая убитого, слуги заметили под ним какой-то блестящий предмет. Полицейский поднял его и протянул префекту.

– Это веер вашего сына? – спросил Фо Гоп у старика.

– Нет, – печально покачал он головою. – Я не знаю, чей это веер. Это совсем не его монограмма.

На одной из пластинок веера действительно блестела забрызганная кровью монограмма.

– Значит, это веер убийцы, – решил префект. – Благодарите судьбу, господин Линг Тиэнло. Это великолепная улика, которая поможет нам его обнаружить.

И, вручив одному из полицейских драгоценную улику, Фо Гоп приказал следовать за собой.

Все направились к дому.

Приказания префекта были исполнены. Лиу Сиу была в своей спальне, и Фо Гоп вошел со служанками в брачный покой, где трепещущая невеста накануне ожидала супруга. Комната была в беспорядке.

Префект внимательно осмотрелся, что-то записал и приступил к допросу служанок.

Их показания буквально совпадали.

Около полуночи они услыхали условный стук в дверь спальни и впустили новобрачного, узнав его по нарядному костюму. Затем они ушли, закрыв за собою двери. Они не слыхали, выходил ли Линг Таланг из комнаты жены. А если и выходил, то когда именно. Не видали ничего подозрительного и не знают, входил ли кто-нибудь в спальню новобрачных.

Ничего не знала и невеста.

– Я не помню, когда это было, – ответила она, стараясь собраться с мыслями. – Муж вошел в комнату. Я так испугалась, что упала в обморок. И больше ничего не помню. Крики в саду разбудили меня утром. Я ничего не знаю, ничего.

– Как! – строго перебил префект. – Вы не знаете, когда муж оставил вас! Вы не слыхали, как кто-то проник в вашу комнату после его ухода, как занял его место в постели. Посмотрите: вот отпечаток его ладони на вашей подушке. Потом он разбил шкатулку с вашими драгоценностями, ограбил вас и исчез. И вы могли ничего не заметить!

– Я ничего не знаю. Клянусь вам, – повторяла несчастная женщина, теряя силы.

– Знаете ли вы этот веер? – продолжал Фо Гоп, заставляя ее поднять глаза.

– Нет, – прошептала Лиу Сиу.

– Как! Разве вам не знакомо это имя?

– Это имя? Нет, я знаю, кто это! – оживилась она, сквозь слезы рассматривая веер. И легкая улыбка надежды мелькнула на ее губах. – Это веер И Тэ.

– Какого И Тэ?

– Моего двоюродного брата, профессора астрономии из пагоды Ми.

– Наконец-то. Ну так знайте: И Тэ – ваш сообщник и убийца вашего мужа. Потому что этот веер найден под телом убитого. А вы – соучастница преступления.

Услыхав такое ужасное обвинение, Лиу Сиу вскрикнула от ужаса и отвращения и как подкошенная свалилась на постель.

– Стража, возьмите преступницу, – скомандовал Фо Гоп.

Через несколько мгновений закрытый паланкин с трудом пробился через сгрудившуюся у ворот толпу, и через час полицейские носильщики сдали арестованную во дворе кантонской тюрьмы.

Глава IV
Двор пыток

Низкое и мрачное здание кантонской тюрьмы расположено возле ворот татарского города и примыкает к широкому валу, окружающему внутренние кварталы. Это одна из худших тюрем Китая, хуже которой нельзя и вообразить.

Наружные стены ее прорезаны одной дверью, окрашенной в цвет крови. Справа и слева от входа высоко торчат из стены замурованные в нее бревна метра в два длиною, точно перекладины виселиц.

На концах этих бревен качаются бамбуковые клетки с головами казненных. Одни из них уже высохли, другие отрублены недавно, и из них каплет на землю кровь. Лица казненных искажены мукой и точно взывают к милосердию. Некоторые головы выскользнули сквозь погнувшиеся прутья наружу и повисли на косах, медленно качаясь от ветра или вертясь вокруг собственной оси. Другие упали на землю, и равнодушные прохожие отпихивают их ногой к стене, где валяются они годами, заражая воздух нестерпимым зловонием.

Это великолепное украшение было результатом последней карательной экспедиции против банды разбойников «Белой кувшинки». Эта банда была в тесных сношениях с политическими повстанцами и пользовалась симпатиями мусульман, которые поддерживали «Белую кувшинку» якобы как религиозную секту, а на самом деле – как тайную революционную организацию.

К счастью, Лиу Сиу была слишком слаба и, лежа в паланкине, не видела этого жуткого зрелища. Но и в самой тюрьме ее ожидали не лучшие картины.

Пока старший конвоир рапортовал начальнику тюрьмы и сдавал арестованную, ее втолкнули в крохотную сырую камеру. Молча упала она на деревянную скамейку и долго не поднималась с места.

Минутами ей казалось, что это – сон, страшный, жуткий кошмар, начавшийся минувшей ночью. Но стоны и вопли, долетавшие со двора, скоро вернули ее к сознанию.

С усилием взяла она себя в руки, несмотря на страшную слабость, боль в висках и тошноту; встала и выглянула в узкое решетчатое окошко камеры, но тотчас отшатнулась от него, закрыв лицо руками.

Окно выходило на внутренний двор тюрьмы, где арестанты подвергались наказаниям. На жарком солнце толкались в жидкой, зловонной грязи более ста человек осужденных.

Полуголые, в язвах, сочащихся кровью и гноем, с землистыми изможденными лицами, они казались обтянутыми кожей скелетами.

Одни были прикованы за косу к такой тяжелой чугунной плите, сдвинуть которую не было никакой возможности, и они либо сидели на корточках, либо вертелись на цепи по радиусу в два метра. Другие сидели с забитыми в колодку руками, не имея возможности ни повернуть их, ни опустить вниз, и эта неподвижность причиняла им мучительнейшую боль.

Но один из осужденных был особенно жалок. Правая рука его и правая нога были забиты в доску сантиметров в тридцать высотой, и в таком виде он должен был десять раз в день обходить тюремный двор. Один палач тянул его за цепь, а другой бил по спине острой суковатой дубиной, не давая ему останавливаться.

Несчастному приходилось тащиться на свободной ноге, согнув туловище под прямым углом, и доска впивалась ему в щиколотку и запястье, натирая гноящиеся раны.

А в зловонной, никогда не просыхающей слякоти ползли, точно чудовищные крабы, заключенные в так называемую клетку. Это были тяжелые медные котлы, в дно которых были забиты их головы и руки так, что они не могли их вытащить обратно. Для отдыха они должны были ложиться в грязь, полную испражнений. Если же им хотелось передвинуться, они должны были подымать на плечи многопудовую тяжесть клетки-котла.

Два раза в день жены осужденных допускались в тюрьму и кормили мужей из рук. Холостых и вдовцов кормили тюремщики, и часто по утрам, сгоняя с места заклепанного в «клетку» арестанта, тюремщики избивали закоченевший под нею труп.

Стараясь спрятаться от этого ужасного зрелища, Лиу Сиу забилась в дальний угол камеры и, прижавшись к каменной стене, заткнула уши, чтобы не слышать долетавших стонов. Но ужас собственной судьбы представился ей во всей своей наготе.

Вдруг дверь камеры распахнулась. Вошли доставивший ее конвоир, начальник тюрьмы и еще двое, от которых молодая вдова Линга не могла отвести глаз.

Первому было лет пятьдесят. У него было строгое и спокойное лицо, в котором ничто особенно не поражало, хотя начальник тюрьмы провожал его глубокими почтительными поклонами. Увидев арестованную, они удивленно переглянулись и заговорили вполголоса. Но Лиу Сиу ничего не разобрала. Глаза ее с невольным ужасом остановились на последнем из вошедших.

Действительно, лицо его было из тех, кого не забывают. Это был высокий жилистый мужчина с необычайно уродливым и отталкивающим лицом, глубоко изрытым оспой. Циничная зверская усмешка обнажала его изъязвленные кровоточащие десны. Налитые кровью глаза с вывернутыми веками щурились, как у хищника, и широкие подвижные ноздри как бы принюхивались к запаху свежего мяса. На голове его был высокий проволочный колпак, красный кафтан перехватывался ремнем, на котором болталась пятихвостая плеть с острыми гвоздями на концах.

Неподвижно стоял он на пороге, как бы заслоняя выход, и спокойно опирался на бамбуковую палку, забрызганную кровью.

Лиу Сиу казалось, что она узнает это чудовище, что она где-то когда-то видела его. И вдруг вспомнила.

Когда она была маленькой и капризничала, мать пугала ее, показывая ей одну из тех картинок, что продают в Китае в дни публичных казней. На этой картинке изображался палач.

Лиу Сиу не ошиблась. Мандарин, которого так почтительно сопровождал начальник тюрьмы, был следователь, который вел следствие по делу об убийстве Линга. А по закону полагалось, чтобы следователя сопровождал палач как последнее слово правосудия, напоминая своим присутствием и следователю и подследственному, что ожидает их за кривосудие или за преступление.

По знаку следователя палач подошел к арестованной. Она почувствовала его приближение, и холодная дрожь ужаса пробежала по ее спине, когда он протянул к ней руку. Она невольно вскочила, отшатнулась, стараясь избегнуть его оскверняющего прикосновения. Палач усмехнулся и приказал ей следовать за ним.

Лиу Сиу повиновалась.

Они пересекли двор осужденных, потом длинную пустынную галерею и вошли в женское отделение тюрьмы.

И через несколько мгновений та, чья свадьба так пышно праздновалась накануне, услыхала, как захлопнулась за нею тяжелая дверь. И осталась она одна со своими горькими думами, оторванная от матери, от друзей, от всех, кто мог ее защитить. Двадцать четыре часа тому назад жизнь сулила ей столько счастья! Теперь сомкнулся ее горизонт в четырех каменных стенах каземата, а впереди были пытки, суд и долгие дни в темнице…

И вспомнилось ей недавнее прошлое.

Глава V
Улыбка девушки

Было восемь часов утра. И хотя стоял конец февраля, розовая заря сулила ясный и теплый весенний день. На юге Китая такие дни бывают настоящим блаженством. Солнце робко нащупывало лучами стройную пагоду Вампоа, таинственно затененную гигантскими пальмами, золотя ранними лучами все десять кровель из фарфора с эмалью. Бонзы звучно и мерно били в гонг, а жрецы в длинных желтых одеждах призывали верных к ранней молитве.

Берега Жемчужной реки тонули в густом тумане, над которым плыли, точно плавучие острова, вершины ближайших гор. А воды реки были осыпаны тысячами судов, начиная от легкого как перышко сампана и кончая плоской тяжелой джонкой. И все это отражало в зеркальных водах свои причудливые контуры, паруса и носы с вырезанными на них драконами или гримасничающими лицами.

Насколько глаз хватало расстилались вокруг зыбкой изумрудной порослью бесконечные рисовые поля, из которых то и дело взлетали птицы, разбуженные песнями матросов. И все это щебетало, шуршало крыльями, звенело, чирикало, порхало. А птица Агами, покровительница птицеводства, поднимала над камышами свою умную зоркую головку, как бы охраняя диких уток, испуганных салютом, гремевшим в честь иностранных судов с форта Бокка-Тигрис.

Просыпались и люди, веселые, отдохнувшие. И маленький городок Фун-Зи, рассыпавшийся на правом берегу реки, несмотря на ранний час, представлял собою самое пестрое и оживленное зрелище.

Улица Златокузней казалась особенно шумной и людной. Полуголые водоносы тащили мехи воды на длинных коромыслах из бамбука и хрипло окликали прохожих, прося посторониться.

Брадобреи стояли у дверей цирюлен, переругиваясь из-за места с суконщиками, уличными врачами, гадальщиками и упаковщиками шерсти. Менялы приготовляли весы из слоновой кости для взвешивания слитков и пунсоны для штамповки пиастров. А лавочники зазывали прохожих, наперерыв стараясь привлечь их внимание ловкими жестами, приветливыми улыбками и многоречивыми обещаниями, которыми так ловко дурачат публику.

Мелькали в толпе и бонзы в высоких белых папучах, медленно направляясь к кумирням.

Порою толпа шарахалась в сторону, завидев скороходов мандарина городской полиции, грубо разгонявших любопытных тяжелыми ударами кнута.

Продавцы пищевых продуктов старались показать товар лицом. Золотились пламенные горы апельсинов и бананов. Вкусно пахли жареные ласточкины гнезда с Латронских островов[1] и плавники акул Бенгальского залива. Пироги и паштеты из жареных крыс, фаршированные щенки и прочие лакомства гурманов манили жадные взоры голытьбы.

На пороге мясной стоял странный долговязый тип, невольно обращая на себя внимание нескладным телосложением и странным выражением лица.

Это был мясник Чу.

Его костлявые руки и длинные худые ноги казались случайно приставленными к его короткому плотному торсу, точно конечности скелета на куцем туловище макаки.

Медно-красное загорелое лицо мясника освещалось парой больших выпуклых глаз, а губы вечно подергивались, точно гримасой, насмешливой и недоброй улыбкой.

Нескладная наружность мясника была предметом бесконечных шуток всех кухарок и мальчишек квартала.

Прозвали его Красный Паук, и верно, потому, что, когда он тянулся окровавленными руками за висящим на крюке мясом, он действительно скорее напоминал чудовищного паука, бросающегося на добычу, чем честного торговца, отпускающего товар покупателям.

Но мясник с улицы Златокузней не обижался на это прозвище и первый весело смеялся, показывая ровные острые зубы, которым мог бы позавидовать любой хищник. А когда ему приходилось иметь дело с хорошенькой покупательницей, что случалось довольно часто, потому что в его лавке был всегда хороший выбор, он отвечал на шутку каким-нибудь двусмысленным намеком. Вообще, Чу любил пококетничать, старался нравиться и был галантным.

Каждые десять дней Чу аккуратно брил лоб, как это требуется по старому обычаю предков, но во время работы туго закручивал косу вокруг головы.

Зато, покончив с торговлей, он украшал ее шелковым бантом и спускал на спину, и, как всякий уважающий себя китаец, никогда не переступал порог без крошечной трубки веера и огромного пестрого зонта.

Закрыв магазин, Чу любил пойти выкурить трубку опиума в одном из чайных домиков, заменяющих китайцам кофейни, или садился играть в карты. А иногда шел смотреть драматический спектакль в бамбуковом театре, время от времени возводимом на главной площади Фун-Зи.

Несмотря на странный и отталкивающий вид, Чу все же слыл порядочным человеком. Он никогда не пользовался дутыми или неверными гирями, продавал свежее жирное мясо и не отказывал в чашке чаю или мелкой монетке приходившим к нему нищим. Вот почему с ним даже считались.

Чу стоял на пороге своей лавки, поджидая покупателей и от нечего делать глазел на толпу, как вдруг скрип раскрываемой оконной решетки в доме напротив заставил его поднять глаза.

И тотчас глаза его раскрылись шире обыкновенного, и неподдельное восхищение отразилось на его лице. Впрочем, трудно было не прийти в восхищение оттого, что он увидел.

Уверенная в том, что растущие на окне цветы достаточно скрывают ее от взглядов прохожих, прелестная девочка лет пятнадцати с любопытством выглядывала из-за роз и гортензий, собираясь полить и подвязать свои цветы. Любопытный взгляд ее скользнул по улице и не заметил Чу. А Чу буквально пожирал ее глазами. Даже ради мандарина с тремя золотыми шариками не отвел бы он от нее своих глаз.

Да и в самом деле, соседка его была прелестна в рамке зелени и первых цветов.

---

[1] *Латронские острова* – иначе Разбойничьи (от *лат.* latro – разбойник).

Казалось, что опытный художник начертил одним взмахом кисточки, пропитанной густою тушью тонкие полумесяцы ее бровей, оттенявшие влажные глаза газели. Щеки ее были покрыты розоватым пушком, как лепестки камелии, и трудно было отличить ее губки, тронутые кармином, от ярких бутонов декоративных бобов, к которым она наклонила головку. Густые черные волосы девушки были заплетены в две толстые косы, ниспадавшие ей на плечи, потому что в Кантонской провинции только замужние женщины могут носить высокую прическу, украшенную нарядными шпильками и гребешками.

Маленькие тонкие ручки ловко помахивали крохотной лейкой из фарфора с эмалью, блестя полированными ноготками, похожими на розовые лепестки.

Вот и все, что разглядел пораженный мясник. Но для Чу и этого было достаточно. Он ловил каждое ее движение, каждый взмах ресниц, как вдруг подул ветер и несколько капель воды, предназначавшихся для роз воздушного цветника, попало в глаз зазевавшемуся мяснику, заставив его быстро опустить голову.

И в то же мгновение бисер веселого смеха заставил его поднять глаза. Но, как ни быстро было это движение, шалунья исчезла, и Чу поймал лишь насмешливую улыбку очаровательной девушки. Захлопнулась решетчатая ставня, маленькая фея исчезла, похитив сердце пылкого мясника. И Чу понял, что влюбился в нее безвозвратно.

Простояв еще несколько мгновений, он возвратился в магазин и целый день терпеливо сносил самые дерзкие насмешки и шутки своих покупательниц. Тщетно дразнили его Красным Пауком – он даже глазом не моргнул на это, но, когда пришло время запирать лавку, хлопнул дверью, несмотря на все жалобы опоздавших, и быстро зашагал к берегу Жемчужной реки.

Глава VI
Любовь Красного Паука

На следующее утро Чу открыл на рассвете мясную и с обычной ловкостью и быстротой стал отпускать мясо. Но многим пришлось дважды повторять, какого мяса им хотелось, и он несколько раз перепутал покупки. Покупатели заметили его рассеянность и стали подтрунивать над ним.

Да, в это утро Чу был необычайно рассеян. Быстро отпуская товар, он все время бросал взгляды не только на окна молодой девушки, но и на дверь ее дома. Можно было подумать, что он кого-то поджидает.

В течение суток Красный Паук разузнал все что мог о своей соседке. Он узнал, что зовут ее Лиу Сиу, что нет у нее ни сестер, ни братьев и что живет она вдвоем с матерью-вдовой. Отец Лиу Сиу умер несколько лет тому назад, а в Китае женщины редко выходят одни. Вот почему он ни разу не видел соседок.

Узнал он еще и то, что одна из его молодых покупательниц служит у таинственных соседок. Вот эту-то служанку и поджидал он с таким нетерпением, решив купить ее услуги какой бы то ни было ценой.

В простоте души Чу воображал, что Лиу Сиу его заметила и нарочно брызнула в него водой. Вот почему он решил не откладывать дела и немедленно завязать знакомство.

Он написал ей пламенное письмо, навеянное долгой прогулкой по берегам Жемчужной реки. Оставалось только найти способ, как передать его по адресу.

Одним словом, было над чем призадуматься. Чу приходил уже в отчаяние, думая, что служанка не придет, как вдруг калитка открылась, и из нее выскользнула ожидаемая прислуга.

Это была девушка лет восемнадцати-двадцати, бойкая и насмешливая, как все китаянки из простонародья, потому что, по обычаям страны, они привыкли к полной и неограниченной свободе.

Увидев ее, Чу сразу вспомнил, что зовут ее Мэ Куи, то есть Пышная Роза, и сообразил, что с ней легко поладить.

Он подозвал ее. Она весело перебежала улицу, и Чу приветливо зазвал ее в магазин, советуя запастись мясом, пока не разобрали лучшие куски. Мэ Куи без колебаний вошла с ним в полутемную лавку.

– Послушай, – сказал он, отвешивая мясо и пользуясь минутой, когда в магазине нет покупателей. – Ты, кажется, служишь у мадам Лиу.

– Да, – удивленно ответила Мэ Куи.

Она думала, что Чу, по обыкновению, скажет ей откровенную двусмысленность, на которые он до сих пор не скупился.

– И у твоей хозяйки есть дочка, – продолжал Чу, не замечая ее удивления. – Хорошенькая барышня с длинными косами.

– Откуда вы знаете? – воскликнула Мэ Куи, окончательно сбитая с толку.

– Я видел, как она поливала цветы… И она тоже меня заметила. Одним словом, я в нее влюблен.

– Вы?! Влюблены?!

Мясника передернуло.

– Что же тут странного? Не понимаю…

И с этими словами он ловко сунул ей в руку пиастр.

– Конечно, ничего странного, – ответила Мэ Куи, нащупав монету, равную ее месячному заработку. – Почему бы вам не влюбиться?

– Так вот, сослужи мне службу. Не пугайся, пожалуйста: у меня самые честные намерения. Я хочу жениться на твоей очаровательной барышне. Ее, кажется, зовут Лиу Сиу?

– Да…

– Так вот, передай ей это письмо. А я уж отблагодарю тебя как следует.

И он протянул ей свое пламенное послание на атласной розовой бумаге. Но девушка отступила и с видом ужаса замахала на него руками.

– Почему ты отказываешься? – спросил он, подходя к ней вплотную. – Разве она просватана?

– Н…нет, – испуганно прошептала Мэ Куи. – Но это дело слишком серьезное.

– Говорят тебе, что я хочу на ней жениться. Я богат. А кроме того, я уверен в том, что нравлюсь ей. Вот уж несколько дней, как мы с ней переглядываемся.

Чу сознательно лгал. Но ему нужно было во что бы то ни стало добиться ее согласия.

– Ну если так – дело другое, – ответила Мэ Куи, с трудом удерживаясь, чтоб не фыркнуть от смеха. – Давайте. Так и быть, отдам его барышне.

И ловко спрятала письмо за пазуху.

– Когда же ты передашь? Сегодня?

– Как можно скорее. Но помните, что надо набраться терпения. Не могу я так, без предупреждения, сунуть ей ваше письмо. Надо сначала поговорить, рассказать ей про вас, заинтересовать.

– Правда, правда. Ну, делай как знаешь, только обязательно принеси мне ответ.

Тут пришлось прервать беседу, потому что магазин наполнился покупателями. Мэ Куи воспользовалась случаем и исчезла.

Прошла неделя. Мэ Куи каждый день забегала к Чу, но, может быть, случайно, а может быть, нарочно хитрая служанка приходила тогда, когда лавка бывала битком набита покупателями. Напрасно Чу пускался на разные хитрости, чтобы немного ее задержать, она при-

жимала к губам указательный палец и, забрав мясо, безжалостно исчезала. Чу терял голову и не знал, что предпринять, потому что препятствия только разжигали его воображение.

Однажды утром Мэ Куи уступила его умоляющим взглядам и осталась в лавке последней.

– Ну что? – спросил он быстро. – Отдала письмо?

– Да… Но если бы вы знали, как это было трудно!

Чу понял.

Он бросился к кассе, загреб целую горсть мелочи и сунул в руку служанке.

– Что же она ответила?

– Сначала рассердилась, бросила мне вашу записку в лицо и пригрозила рассказать матери. Я еле упросила ее не сердиться, сказала ей, что вы ее любите в тысячу раз сильнее, чем написали, что вы человек богатый, добрый и щедрый и что вы решили на ней жениться.

– Ну и что же? – спросил Чу со вспыхнувшими глазами, чувствуя, что невольная дрожь бьет его как приступ лихорадки.

– Тогда барышня прочитала ваше письмо, покраснела и подошла к окну. Верно, затем, чтобы взглянуть на вас через решетку. Потом отдала мне письмо, чтоб не нашла его мамаша, и бросилась мне на шею.

– Дальше, моя розочка. Дальше, – торопил Чу, хватая ее за руки.

– Да ничего особенного. Это было третьего дня. С тех пор мы с ней не говорили. Мадал Лиу вечно сидит с дочкой, и я очень редко вижу ее с глазу на глаз.

– А как же с ответом?

– Не знаю… Я только заметила, что она часто подходит к окну и стоит, спрятавшись за цветы и решетку.

Чу вспыхнул от радости.

– Правда? Значит, можно сделать ей официальное предложение?

– Ну и прыткий, – рассмеялась Мэ Куи. – И не пробуйте, иначе все пропадет. Я говорила вам, что надо набраться терпения. Но если вы хотите делать глупости, я все брошу и не стану вам помогать.

Чу не на шутку испугался.

– Нет, нет. Только не это. Я буду сидеть тихо и слушаться. Добейся только хоть строчки ответа.

Мэ Куи замялась.

– Попробую, но не обещаю. Вы сами понимаете, что воспитанная барышня не станет писать незнакомому человеку.

– Как только ты мне принесешь ответ, ты сможешь выбрать у ювелира Ши-У самый красивый браслет в магазине.

– Посмотрим… А пока – ни слова, ни жеста. А главное – молчок.

В эту минуту в лавку вошли покупатели. Заметив таинственную беседу, они стали подтрунивать над ними.

Но мясник сделался неуязвим и громким хохотом отвечал на все шуточки, довольно потирая руки. Мэ Куи трудно было смутить такими пустяками. Но она нарочно прикинулась сконфуженной и удрала, закрыв лицо руками.

Глава VII
Свадебная афиша

Шли дни, недели. Дело Чу ни на шаг не подвигалось.

Мэ Куи приходила каждое утро, но отделывалась пустыми уклончивыми ответами.

– Мамаша строго следит за барышней. А она не хочет себя выдавать. Вооружитесь терпением. Надо дождаться подходящей минуты.

Такие речи обескураживали мясника. Он буквально не находил себе места, худел, таял и, как ни старался казаться ровным и спокойным, нервничал и выдавал себя с головой. Он стал угрюм и молчалив, перестал шутить с покупателями, и они скоро заметили в нем перемену.

Торговал он рассеянно, а кончив работу, прятался за решетчатую ставню магазина и часами не сводил глаз с окна Лиу Сиу. Вот-вот покажется она в благоуханной раме цветов, улыбнется ему и покажет свою прелестную головку. Одним словом, ничто не могло разубедить его в том, что она так же пылко в него влюблена, как и он.

Однако наблюдения за домом соседей принесли ему мало радости. В один прекрасный день мясник с недоумением увидел, как неизвестный молодой человек постучался в дверь к мадам Лиу. Мэ Куи открыла дверь и с приветливым поклоном ввела его в дом.

На другой день незнакомец явился снова, и служанка так же торопливо и приветливо его впустила. А Чу почувствовал, как злая ревность больно кольнула его в сердце. Ему казалось, что это – опасный соперник. Недаром ему разрешалось переступить заветный порог. Но Мэ Куи его успокоила. Она объяснила, что это племянник мадам Лиу, который вовсе не собирается жениться, во-первых, потому, что он беден, а во-вторых, потому, что он собирается стать жрецом в пагоде Ми, где до сих пор служил он астрономом.

Хитрое создание прибавило, что молодой ученый совсем не во вкусе Лиу Сиу и что один только Чу привлек ее внимание. Успокоенный и обрадованный, мясник сунул ей в руку несколько пиастров, чувствуя, что сердце его расцветает новой надеждой.

Одно тревожило влюбленного мясника, одно отрывало его от сладостных грез – это молчание прелестной соседки. Он никак не мог понять, почему она не хочет написать ему несколько строчек или хотя бы показаться в окне.

Он решил серьезно объясниться с Мэ Куи, как вдруг она отвела его в сторону и сказала, точно угадав его мысли:

– Она не может вам писать, но сегодня ровно в семь часов, когда в пагоде ударят в гонг, она просит вас медленно пройти вдоль нашего дома. И вы получите доказательство ее любви.

С этими словами она исчезла, пригрозив ему, чтобы он был осторожен.

Дикая радость затрепетала в сердце Чу. И в этот день покупатели нашли его необычайно веселым и оживленным.

Он постарался пораньше отпустить покупателей, начисто выбрился, надушился, надел нарядный праздничный костюм. Ровно в шесть был он готов бежать на свидание.

Но надо было ждать семи часов. И этот час показался ему бесконечным. Спрятавшись за полуоткрытой дверью магазина, он ждал назначенной минуты, проклиная прохожих, которые могли ему помешать, и бонзу-звонаря за то, что тот запаздывает со звоном.

Наконец совершенно стемнело. Опустела улица Златокузней. Чу скользнул к дому соседки и притаился в тени крыльца.

Так простоял он несколько минут со стучащей в висках кровью, как вдруг прозвучали первые удары гонга. Тогда он сделал несколько шагов, стараясь сдерживать дыхание, и в то мгновенье, когда он проходил под окном Лиу Сиу, что-то свежее и влажное упало ему на голову. Он схватил неведомый подарок и пустился бежать, как вор от погони.

На перекрестке Чу остановился и при свете зеленого фонаря, горящего перед дверью всякого китайского доктора, наконец разглядел таинственный предмет.

Это были два бутона розы – один белый, другой огненно-красный, связанные куском серебряной ленточки, похожей на ленту из кос Лиу Сиу.

Влюбленный мясник чуть не сошел с ума от счастья. Он решил, что эти два бутона были символом. Это было признание в ответной любви и знак того, что их судьбы связаны навеки.

Трепеща от счастья, Чу возвратился домой и долго думал, как добиться согласия мадам Лиу.

Заснул он лишь перед рассветом, подробно разработав план. Он решил обратиться к опытной свахе, умевшей добиваться согласия при самых сложных и запутанных обстоятельствах.

В Китае пожилые вдовы обычно занимаются сватовством, и ни один брак не заключается без их посредничества. После того как свахи согласуют условия обеих сторон, семьи жениха и невесты обмениваются первыми визитами.

Во время сватовства всякий может видеть невесту. Один жених должен верить на слово свахам и своим родителям.

По сравнению с другими женихами у Чу было то преимущество, что он знал прелестную улыбку и газельи глаза Лиу Сиу. Да и Мэ Куи не пожалела слов, расписывая красоту своей барышни. Вот почему мяснику казалось, что дело быстро наладится, тем более что он готов был истратить половину состояния на подарки той, которую он мысленно звал своей невестой.

Рано утром открыл он лавку, собираясь рассказать Мэ Куи о своих планах.

Но напрасно поджидал он хитрую служанку: она точно канула в воду. Но он и без нее знал, что делать. Он запер магазин на час раньше обыкновенного, переоделся и весело вышел на улицу, шумно захлопнув за собой дверь.

Как вдруг глаза его едва не выскочили из орбит. Земля качнулась под ногами, и он невольно отступил и прислонился к стене, ища опоры.

Прошло несколько мгновений. Чу провел рукой по лбу, как бы стараясь избавиться от галлюцинации, и, одним прыжком перемахнув улицу, очутился на пороге дома мадам Лиу.

Глухое восклицание сорвалось с его посиневших губ: по обеим сторонам двери висели красные афиши с публикацией о предстоящей свадьбе. Такие афиши вывешивались по китайским законам у порога невесты и жениха.

Сначала он не поверил собственным глазам, но, взяв себя в руки, прочитал ее от начала до конца. Сомнений не было. Имя невесты и жениха, день свадьбы – все выступало из стены огненными буквами, впиваясь в мозг мясника.

Лиу Сиу выходила за другого. Значит, она его обманула, она зло подшутила над ним.

Глаза его налились кровью, голова пошла кругом. Губы шептали что-то нечленораздельное. Так простоял он несколько минут, потом вдруг выпрямился, быстро оглянулся. На улице не были ни души. Он быстро отошел, обогнул квартал и вернулся домой с притворно-спокойным видом, как бы возвращаясь с обычной прогулки.

Но, заперев за собою дверь, Чу свободно излил свою ярость, и низкая тесная лавка мясника увидела отвратительное и страшное зрелище.

Он сбросил пестрый праздничный костюм, схватил острый нож от мяса и оросил его собственной кровью. Кровь залила его лицо и руки. В диком исступлении, похожем на бред, он колол себя ножом и клялся отомстить страшной местью самой обманщице и всей ее родне.

Это не был смешной в своем обожании мясник – это был дикий и кровожадный Красный Паук, опьяневший от жажды мести и крови.

Успокоился он только к вечеру, упал на скамью, сжался в комок и долго сидел, закрыв глаза и опираясь подбородком на окровавленные руки.

Глава VIII
За занавесками и цветами

Мэ Куи сознательно лгала. В доме мадам Лиу никто не подозревал о существовании Чу.

Юная мать Лиу Сиу овдовела несколько лет тому назад. Муж оставил ей приличное состояние, а так как в Срединной империи порядочные женщины никогда не выходят вторично замуж, она всецело посвятила себя воспитанию дочери. И Лиу Сиу выросла примерной девушкой.

Расхваливая свою барышню, Мэ Куи говорила правду. Это была одна из красивейших девушек Кантонской провинции. К тому же у нее был прекрасный ровный характер и много природного ума. Мать дала ей образование, как полагалось приличной китаянке. Но в Китае женщин не принято особенно долго учить. Они должны уметь читать, писать, рисовать и вышивать гладью. И немало пройдет времени, пока на берегах Жемчужной реки появятся женщины – врачи и адвокаты. Китайцы готовят своих дочерей к обязанностям честных жен и матерей – не больше.

Мать и дочь жили замкнуто, у них не было родственников, кроме молодого И Тэ, племянника мадам Лиу.

Это был красивый юноша двадцати двух лет, бедняк и сирота почти с младенчества. Еще мальчиком решил он стать ученым.

Благодаря помощи тетки ему удалось получить хорошее образование. Он так блестяще сдал экзамены, что, несмотря на юный возраст, был уже лиу-цаем, то есть получил ученую степень, дающую право носить на шапке один медный шарик. Эта же степень позволила ему занять место профессора астрономии при пагоде Ми.

Но, наблюдая небесные светила, И Тэ не ослеп для всего прекрасного и сразу заметил красоту Лиу Сиу. Запросто бывая у тетки, он, конечно, влюбился в свою хорошенькую кузину.

Мадам Лиу сразу заметила это чувство. Это ее возмутило. Она мечтала для своей дочери о блестящей партии и откровенно заявила племяннику, что никогда не согласится назвать его своим зятем.

И Тэ покорно подчинился. Чтобы задушить свою любовь к Лиу Сиу, он еще усерднее засел за книги и только изредка показывался в городе.

Пагода Ми очень знаменита. Туда стекаются тысячи богомольцев со всех концов Кантонской провинции. Бедные и богатые вымаливают у бога Шин Ли-бо счастья, успехов в делах либо избавления от болезней.

Однажды, окончив молитву, племянник мадам Лиу с удивлением заметил необычайно набожного богомольца, страстно взывавшего к Богу.

Это был важный пожилой человек, одетый в дорогой и красивый костюм купца. Молился он вполголоса, и И Тэ без труда узнал, что умоляет он Будду послать достойную супругу его единственному сыну.

Слова «супруга» и «свадьба» разбудили в душе И Тэ воспоминания о разбитом счастье. И невольно имя Лиу Сиу вспомнилось печальному астроному. Если он не мог на ней жениться – это не значило, что он не желал ей самого светлого счастья.

Неожиданно для самого себя он подошел к молящемуся, отвесил ему церемонный поклон и сказал:

– Я слышал вашу молитву. Верно, такова воля Будды, ибо я могу исполнить ваше заветное желание.

– Вы… Каким образом? – удивился незнакомец, с любопытством разглядывая молодого ученого.

– Да, я.

И, назвав себя, И Тэ заговорил о Лиу Сиу как о девушке, одаренной всеми достоинствами и добродетелями мира.

Говорил он так просто и горячо, что незнакомец невольно улыбнулся и сказал:

– Однако вы преданный родственник. Но почему вам не жениться на ней, раз вы приходитесь ей двоюродным братом?

– Я слишком беден, чтобы жениться, – ответил И Тэ, покраснев. – А кроме того, я решил посвятить свою жизнь науке.

– Это – другое дело. Мне остается лишь поблагодарить вас за совет, – ответил купец, наклонив голову. – Я сегодня же пошлю сваху к мадам Лиу. И если дочь ее окажется такой, как вы о ней говорите, я буду вам более чем признателен. Зовут меня Линг Тиэнло. Я – член Хоппо. А это значит, что, если этот брак состоится, я обязуюсь доставить вам самый широкий кредит.

И Тэ смутился.

Среди коммерческих объединений Кантона Хоппо было гегемоном. Хоппо получало в свою пользу все таможенные пошлины южных провинций. Хоппо нормировало цены на чай – одним словом, было своего рода государством в государстве.

Смущенный тем, что заговорил с таким важным лицом, молодой ученый стал кланяться и извиняться и почтительно вручил купцу адрес тетушки, а потом вышел из кумирни с низким поклоном, с глазами, полными слез.

Не подумав, поддался он чувству самопожертвования и слишком поздно понял, что собственными руками возвел между собой и Лиу Сиу непреодолимую преграду. Вот почему ему захотелось в последний раз увидеться с нею, рассказать ей все, что случилось в пагоде Ми, и навеки проститься с разбитой мечтой.

Не застав своих родственников дома, он снова зашел к ним на следующий день, и оба эти посещения возбудили ревнивые подозрения Красного Паука.

Между тем Линг Тиэнло не терял ни минуты. Через сутки после беседы с И Тэ почтенная и опытная сваха посетила дом мадам Лиу, и через две недели сватовство было закончено.

Линг Тиэнло пришел в восторг от Лиу Сиу, а сын его всецело положился на вкус отца и с нетерпением ждал свадьбы.

Лиу Сиу покорно положилась на выбор матери и только порою вздыхала, вспоминая бедного И Тэ. Впрочем, это не помешало ей с интересом заняться приданым как раз в то время, когда Мэ Куи дурачила влюбленного мясника.

Проспав ночь, Чу, как всегда, открыл свою лавку, и никому из покупателей не пришло в голову, какую пытку переживал он в глубине души. Маска спокойствия сковала его черты. Однако Мэ Куи не решилась показаться ему на глаза, понимая, что красная афиша должна была поразить его в самое сердце.

Прошло несколько дней. Однажды утром Мэ Куи подошла к калитке, подстерегая минуту, когда лавка Чу полна покупателей, чтобы незаметно выскользнуть из дому и сбегать за покупками в далекий квартал. Выглянув на улицу, она с удивлением заметила, что лавка остается закрытой.

Она окликнула проходящую соседку и со вздохом облегчения узнала, что Чу ликвидировал дела и выехал из города.

Одни думали, что он уехал в Америку, другие – что ему надоело сидеть на одном месте и он переселился на юг. А в общем никто не знал истины.

Мэ Куи пришла в ужас. Охваченная безотчетным страхом и угрызениями совести, она чуть не призналась мадам Лиу в своих проделках, но боязнь упреков ее удержала, и она все откладывала неприятную беседу. А потом настал день свадьбы, новые хлопоты, и неловко было расстраивать невесту. Да и сама Мэ Куи понемногу успокоилась. Она решила, что

Чу покончил жизнь самоубийством и, не жалея о своей проделке, думала об одном: как бы лучше нарядиться в день свадьбы своей барышни.

Впрочем, не одна Мэ Куи забыла о Красном Пауке. И когда Лиу Сиу села в свадебный паланкин и ее унесли в дом будущего супруга, никто в городе Фун-Зи не вспоминал его нескладную фигуру.

Только уличные мальчишки нарисовали на забитых ставнях мясной огромного красного паука. И хотя дождь понемногу смыл это отвратительное изображение, Мэ Куи невольно вздрагивала от страха, выходя из калитки мадам Лиу.

Глава IX
В тюрьме

Палач исчез. Тяжело захлопнулась дверь, брякнули ржавые засовы – и Лиу Сиу осталась одна. Она сжалась на грубой циновке и просидела несколько часов не шевелясь. Напрасно силилась она собраться с мыслями. Странная пустота была в ее мозгу, и ей казалось, что она сходит с ума.

Потом, когда прошло оцепенение и она отдала себе отчет в своем положении, все ее помыслы обратились к матери. Как ей будет больно, когда она узнает, что та, чье счастье она создавала с такою нежною радостью, обвиняется в ужасном, зверском преступлении…

Потом она вспомнила прошлое, свою девичью комнатку на улице Златокузней, веселую Мэ Куи, цветы на окошке, рукоделия, бедного И Тэ, которого так безжалостно обвиняет префект, – и горькие слезы потекли из ее глаз.

Зато таинственные и страшные события брачной ночи она никак не могла припомнить. Мелькало что-то смутное, обрывчатое. Она не верила, что это правда, и, закрывая глаза, молила Будду избавить ее от этого ужасного кошмара.

Но, открывая глаза, она снова видела стены тюрьмы, и кошмар становился действительностью.

Настала ночь, а с нею – новые ужасы, не похожие на дневные.

Одна. Одна в проклятом месте, во власти палача, о котором она не могла вспомнить без дрожи отвращения.

Дрожащий свет факелов, освещавших двор тюрьмы, едва пробивался сквозь узкое окошечко. Она дрожала от голода и холода и все же не решалась притронуться к рисовой лепешке и кружке воды, которые бросились ей в глаза у двери камеры.

Ей казалось, что достаточно протянуть руку, чтобы раздавить кишащую массу грязных насекомых, густо обсевших стены. Ей казалось, что она слышит шорох их бесчисленных лапок.

А стоны осужденных доносились со двора, напоминая ей о том, что здесь страдание не знает передышки.

Ночь длилась бесконечно долго, а Лиу Сиу не сомкнула глаз. И если бы на рассвете ее заставили взглянуть на себя в зеркало, она, конечно, не узнала бы себя.

Волосы ее сбились и рассыпались по спине, и вместо роскошного свадебного наряда простая темная ткань покрывала ее фигурку. Веки распухли от слез и бессонницы, щеки ввалились и побледнели, губы дрожали от еле сдерживаемых рыданий, а атласные розовые туфельки промокли и покрылись корою грязи и крови.

В девять часов утра чьи-то тяжелые шаги остановились за дверью, скрипнули засовы, раскрылась дверь. Лиу Сиу задрожала, думая, что это палач.

К счастью, она ошиблась. В камеру вошла женщина средних лет, грязно и бедно одетая, но с добрым и грустным выражением лица. Она внимательно взглянула на арестованную и, казалось, спрашивала ее взглядом о чем-то.

Лиу Сиу почувствовала к ней внезапное доверие и, протягивая руки, жалобно прошептала:

– Я так озябла и проголодалась.

Женщина быстро подошла к ней, закутала ее шерстяным одеялом, валявшимся на скамейке, и протянула ей рисовую лепешку, жестом советуя есть.

Лиу Сиу машинально повиновалась. Но, насытившись и согревшись, она прежде всего захотела узнать все, что ее тревожило и волновало: предупредили ли ее бедную мать, когда ее будут допрашивать и долго ли ей придется сидеть в этом каземате с капающей со стен сыростью и размокшим от влаги глиняным полом, превратившимся в зловонную клоаку, потому что эта тьма, грязь и вонь сведут ее скоро с ума.

Женщина ничего не ответила, хотя лицо ее выражало самое искреннее сострадание.

– Почему вы молчите, – допытывалась Лиу Сиу, приведенная в ужас ее молчанием. – Скажите хоть словечко, умоляю. Что они хотят со мной сделать?

Женщина знаком показала, что ничего не может сказать.

– Но почему? Неужели вы боитесь?

Она грустно покачала головой и, коснувшись рта рукою, объяснила, что она нема. Лиу Сиу печально поникла головой: рухнула и эта последняя надежда.

Несмотря на это, между ней и тюремщицей скоро установился обмен мыслями. Лиу Сиу дала ей два кольца, прося продать их и купить две чистые циновки, на которых спят, пару непромокаемых туфель и чего-нибудь поесть.

Немая обещала все исполнить. Но когда Лиу Сиу попросила ее предупредить мать, она замахала на нее руками с выражением такого ужаса, что бедная женщина не посмела настаивать, подумав, что так или иначе мадам Лиу скоро узнает правду.

Или полиция нагрянет к ней с обыском, и тогда она сразу поймет, в чем дело; или же, видя, что зять не является к ней с традиционным визитом на второй день свадьбы, она пошлет на дачу Линга узнать, что случилось.

При этой мысли Лиу Сиу немного приободрилась. Но когда прошло три дня без всяких известий от матери, она снова впала в отчаяние.

Тюремщица кормила ее почти насильно. Но Лиу Сиу больше не пробовала с ней заговаривать. Часами лежала она на циновке, дрожа от лихорадки, подпирая щеку исхудалой рукой, и смотрела в одну точку ввалившимися глазами. Глубокое равнодушие овладело всем ее существом, и она даже не вздрагивала, слыша стоны осужденных.

Казалось, что ее тело и душа потеряли всякую чувствительность.

Прошло две недели. Однажды утром дверь каземата распахнулась, и в камеру вошли Фо Гоп, палач и чиновник суда. Чиновник грубо объявил ей, что настала минута предстать перед судом, и приказал собираться.

Лиу Сиу машинально встала. Немая, как могла, привела ее в порядок и кое-как заколола ей волосы. Потом подошел палач и приказал ей протянуть руки. Он крепко скрутил их веревкой, как будто она собиралась бежать, потом набросил ей аркан на шею и, вытянувшись, обернулся к начальству. Префект скомандовал – и все двинулись к выходу.

Впереди шагали префект и судейский, за ними палач тащил Лиу Сиу на аркане. Она так ослабела от голода и всего пережитого, что с трудом передвигала свои искалеченные ножки. Немая вела ее под руки, как больную.

Так прошли они двор осужденных и двор казней, где качался на виселице только что повешенный хунхуз и медленно стекала кровь с дубовой плахи.

Потом прошли они по темной галерее, соединяющей тюрьму со зданием уголовного суда.

Глава X
Суд и пытка

Здесь немая простилась со своей питомицей, и через несколько мгновений ужасный поводырь приволок Лиу Сиу в зал судебных заседаний.

Это было обширное помещение со стенами, обтянутыми красным сукном, украшенными выписками из уголовных законов.

Распадался зал на три части.

В глубине, на эстраде, сидел председатель суда, мандарин Минг Лонти в полном парадном одеянии. Возле него разместились члены суда и секретари.

На столе, покрытом, как и стены, красным сукном, лежало дело, стояли банки туши, толстые книги законов и ящик, полный пронумерованных деревянных дощечек.

За спиной Минга стоял слуга с веером, а под самой стеной сидели на длинной скамье шесть европейцев, добившихся редкой и особой привилегии – присутствовать на заседании суда.

Двенадцать каменных ступеней вели в среднюю часть зала, предназначавшуюся для подсудимых и их защитников, для свидетелей, стражи и палачей.

Палачи громыхали орудиями пытки и время от времени грозили подсудимым страшными муками, стараясь запугать их и заставить сознаться.

Третья часть зала и хоры предназначались для публики, так что всякий желающий мог видеть детали ужасного зрелища, такого обычного в китайском уголовном суде.

По знаку Минга стража распахнула обе створки входных дверей, за которыми толпа давно ревела от нетерпения, – и публика хлынула в зал таким бешеным, таким бурным потоком, что солдатам пришлось прибегнуть к оружию.

Уж более двенадцати лет ни одно дело не привлекало такого внимания, и Минг напрасно старался припомнить процесс, вызвавший столько толков и такой наплыв публики.

Во-первых, отец убитого был одним из крупнейших негоциантов Кантона; во-вторых, в убийстве обвиняли женщину. И всякому было интересно, сознается ли она в преступлении и как перенесет пытку.

Но весь этот шум, гомон и топот, казалось, не производил на Лиу Сиу никакого впечатления. Она молча сидела на скамеечке, указанной ей палачом, и со связанными руками и арканом на шее мысленно призывала смерть, потому что одна лишь смерть могла избавить ее от пыток и позора.

Призвав публику к порядку и добившись относительной тишины, Минг обратился к Лиу Сиу, но должен был дважды повторить свой вопрос, пока она сообразила, в чем дело.

– Вы обвиняетесь, – сказал председатель, – в том, что убили мужа в первую брачную ночь. Признаете ли вы себя виновной в этом преступлении?

– Я уже говорила, – тихо ответила Лиу Сиу, – что я ни в чем не виновата. Я ничего не знаю по этому делу. Клянусь всем, что мне дорого на свете.

– Благородный Линг Тиэнло, – продолжал председатель, – изложите суду все, что вам известно по данному делу.

Отец убитого сидел на эстраде, возле судей. Он встал, отвесил суду земной поклон и, послав невестке страшное проклятие, стал подробно рассказывать об убийстве своего дорогого и единственного сына Линг Таланга.

Начал он со встречи с И Тэ в пагоде Ми, рассказал всю их беседу, сватовство, затем о том, как нашли тело новобрачного, а под ним веер астронома; о страшном беспорядке в брачном покое и об отпечатке окровавленной мужской руки на одной из подушек постели. Наконец, рассказал он и о краже драгоценностей, подаренных сыном невесте, которую он

прямо обвинял в давно задуманном преступлении при помощи приготовленного яда и кинжала.

Этот страстный и жуткий рассказ, часто прерываемый рыданиями, боль и негодование, звучавшие в его голосе, и убежденная сила обвинения нашли ответ. Крик негодования и злобы покрыл его последние слова.

– Вы слышали, в чем вас обвиняют? – снова обратился к Лиу Сиу председатель, когда публика немного успокоилась. – Сознайтесь прямо в своем преступлении и назовите своих сообщников.

– Я ничего не знаю, – пролепетала она.

Председатель протянул руку к стоящему на столе ящичку, взял одну из дощечек и бросил ее на ступеньки эстрады. Палач поднял ее, прочел надпись, сделал помощнику знак и подошел к обвиняемой.

Помощник принес небольшой железный столик и приказал Лиу Сиу протянуть руки. Несчастная повиновалась и тотчас почувствовала, что руки ее зажаты в тиски, придавившие к столу ладони, а между пальцами просунулись тонкие подвижные лезвия.

– Сознаетесь ли вы в своем преступлении? – в третий раз повторил председатель.

Оцепенев от ужаса, Лиу Сиу даже не поняла вопроса. Она закрыла глаза и опустила голову. Как вдруг дикий крик боли вырвался из ее груди. Это палач вогнал клинья между пальцами левой руки. Кости хрустнули под невыносимым давлением и из-под розовых ногтей брызнула кровь.

– Сознаетесь ли вы в своем преступлении? – отчеканил снова председатель.

Лиу Сиу ничего не слышала. Она не отводила глаз от своей расплющенной руки. Минг сделал знак – и присутствующие снова услыхали хруст, на который затихшая толпа ответила ревом кровожадного восторга. Это треснули кости правой руки.

Но Лиу Сиу не стонала: глубокий обморок избавил ее от мучений. Присутствующий в заседании врач подошел к подсудимой и влил ей в горло возбуждающий напиток, от которого она скоро очнулась для новых, еще более жестоких страданий, потому что к пытке физической присоединилось глубокое душевное терзание.

Первый взгляд ее упал на носилки, на которых двое солдат притащили искалеченного пыткой И Тэ.

Арестованный в день нахождения трупа молодой ученый откровенно рассказал суду о своем случайном знакомстве с Линг Тиэнло в пагоде Ми, признался он и в своей чистой любви к Лиу Сиу и в том, что был на свадьбе в ночь убийства новобрачного. Но за то, что он категорически отрицал свое участие в преступлении, его подвергли жестокой пытке, и он лежал перед судом с перебитыми бедрами и суставами.

Лиу Сиу забыла о своих страданиях. Она помнила только, что она одна – причина его страданий. Крик ужаса невольно вырвался из ее уст. И И Тэ узнал ее голос. Он обернулся к ней, и они обменялись долгим взглядом, в котором каждый почерпнул новые силы.

Теперь жадное любопытство толпы было обращено на молодого ученого. Защищал И Тэ его коллега, жрец пагоды Ми, потому что в Китае нет профессиональных защитников, и всякий друг обвиняемого может выступить в его защиту.

Но на этот раз никто не слушал защитника. Для суда и публики преступление было бесспорным и очевидным. Напрасно говорил он об их непорочной юности, о том, что они были поставлены в такие условия, что не могли даже ни сговориться, ни подготовиться к преступлению. Напрасно ссылался он на показания служанок, которые сами раздели новобрачную и ушли, впустив к ней супруга. Напрасно взывал он к милосердию судей – приговор был уже предрешен.

Видно было, что судьи из приличия сдерживают свое нетерпение и ждут не дождутся конца защиты.

Как только оратор умолк, Минг заговорил снова. На этот раз он обратился к И Тэ.

– Суд выслушал, – сказал он, – все, что может быть сказано в защиту подсудимых. Но никто не может поколебать наше убеждение. Для суда вы такой же несомненный преступник, как и ваша сообщница. Но все же закон предписывает мне до произнесения приговора добиться от вас добровольного признания. Не пожелаете ли вы, наконец, изложить суду, как вы завлекли убитого в западню, из которой он уже не вышел?

– Я так же невиновен, как и Лиу Сиу, – ответил племянник мадам Лиу, бросая долгий взгляд на подругу по несчастью. – Клянусь памятью предков, что я его не убивал.

– Не прибавляйте богохульства ко всем своим преступлениям, – строго перебил председатель. – Раз вы отказываетесь отвечать, посмотрим, устоит ли ваше тело перед пыткой так же, как ваша душа перед раскаянием. Да будет то, что предписывает нам закон.

Палач быстро подошел к носилкам и обхватил лоб И Тэ металлическим обручем, сжимающимся при помощи особого винта.

Внимание публики было так напряжено, что глубокая тишина воцарилась в зале. Казалось, что она боится пропустить мельчайший жест палача, мельчайшую подробность разыгрывающейся перед нею кровавой драмы.

Лиу Сиу глядела на И Тэ как обезумевшая. Она ждала чего-то ужасного, но напрасно силилась понять, чего именно.

– В последний раз предлагаю вам сознаться, – важно сказал Минг.

И на его толстом добродушном лице мелькнула искра жестокости.

– Мне не в чем признаваться. Да пощадит меня милосердный Будда, – твердо ответил ученый.

Не успел он сказать эти слова, как лицо его мертвенно побледнело, приняв синеватый трупный оттенок, а из стиснутых зубов вырвался долгий страдальческий стон.

Это палач сделал первый оборот винта. Железный обруч сжал виски несчастного, причиняя ему невыносимую боль.

Публика заревела от восторга, а европейцы с отвращением отвернулись; забыв о собственных страданиях, Лиу Сиу сорвалась с места. Она хотела что-то сказать, но рыдания сжали ей горло.

– Сознаетесь ли вы в своем преступлении? – повторил мандарин задрожавшим от ярости голосом.

И Тэ жестом ответил, что ему не в чем признаваться. Палач снова повернул винт – и внезапно лицо мученика страшно изменилось. Щеки его вдруг запали, точно он внезапно похудел; глаза выкатились из орбит и глянули диким безумием, а из-под страшно оскаленных мукой зубов и из раздувшихся ноздрей хлынула темная кровь.

– Пощадите, – простонала Лиу Сиу, рыдая. – Пощадите, благородные судьи! Я сознаюсь.

Минг сделал знак – и железное кольцо, раскалывающее череп И Тэ, разжалось. Окровавленный, искалеченный астроном упал в глубоком обмороке на носилки.

– Да. Да. Я сознаюсь, – продолжала, лихорадочно торопясь, Лиу Сиу, боясь возобновления пытки и не отводя глаз от двоюродного брата. – Я во всем добровольно сознаюсь. Я убила мужа. Убейте меня, казните, но пощадите его, невинного.

Дикое, безумное отчаяние удесятерило ее силы. Она совершенно перестала чувствовать боль и вырвала из тисков свои расплющенные ручки. Палач с трудом ее удерживал.

– Значит, вы сознаетесь, – довольно сказал председатель, поглаживая подбородок, когда заревевшая от восторга публика успокоилась.

– Да, да, сознаюсь, – с безумными глазами повторяла Лиу Сиу.

– Как же вы совершили преступление? – продолжал Минг, не скрывая радости от такого неожиданного оборота.

– Не помню точно, – быстро, захлебываясь, говорила несчастная. – Я не любила жениха. Мы вышли в сад. Я нарочно попросила его выйти погулять. Потом… я заставила его выпить яд и ударила ножом… Потом я вернулась в спальню и легла спать. Служанки ничего не видели, потому что мы их отпустили.

– А как же очутился веер И Тэ под телом вашего мужа?

– Веер… Ах да, я вспоминаю… И Тэ забыл его у нас при последнем визите в Фун-Зи. Я спрятала его на память и никогда не расставалась с ним. Я его уронила, убегая…

– Значит, вы утверждаете, что И Тэ не виновен и вы самостоятельно совершили преступление, не имея сообщников.

– Да. Да. Сама, без чьей-либо помощи.

– Это неправда! Лжет она, лжет! – закричала в голос простоволосая женщина, прорываясь сквозь цепь солдат и бросаясь к Лиу Сиу.

– Молчать! – скомандовал Минг. – Что это за женщина?

– Кто я, господин судья? – ответила неизвестная с горькой усмешкой. – Я – мать этой несчастной, которую вы мучите. Клянусь вам, что она говорит неправду. Разве вы не видите, что она сошла с ума? Разве она помнит, что говорит? Разве она похожа на убийцу? Дитя мое бесценное! Да разве она может отравить или зарезать? Будь прокляты те, кому приходит в голову такая гнусная блажь. Да поразит их Будда проказой и одинокой старостью!

Это относилось к Лингу, сильно взволнованному появлением мадам Лиу. Потому что принужденный присутствовать при пытке подсудимых старик чувствовал себя невольным виновником их страданий и спрашивал себя, действительно ли они – убийцы сына.

– Молчать! – сурово оборвал председатель, стараясь положить конец этой сцене. – Оставьте эту женщину возле дочери, и пусть все с почтением выслушают приговор.

Минг на мгновение умолк, пошептался со своими коллегами, быстро перелистал книгу законов и, помолчав, важно произнес:

– Мы, Минг Лонти, мандарин третьего класса, исполняя обязанности председателя Кантонского уголовного суда, допросив лиц, доставленных в суд в качестве обвиняемых по делу об убийстве Линг Таланга, и добившись полного сознания одной из обвиняемых, постановили: считать вину обоих обвиняемых доказанной и, применяя к ним законные нормы, предписываемые суду великим законодателем нашим, приговорить их обоих к смертной казни. Женщина, именуемая Лиу Сиу, будет повешена, а мужчина, именуемый И Тэ и упорно отрицающий свою вину, умрет медленной смертью. Приговор будет приведен в исполнение, когда император, наш божественный и всемогущий господин, изъявит на это свою мудрую волю. Стража, уведите осужденных, с коими надлежит обращаться до приведения приговора в исполнение так, как это предписывается законом и человеколюбием.

Публика выслушала приговор с равнодушием народов Востока, которые спокойно и безразлично относятся к смерти. Для публики зрелище было закончено. Ей было все равно, когда умрут осужденные. Даже приговор к медленной смерти ее не смутил, хотя эта необычайно жестокая казнь постепенно выходит из моды.

Осужденные вовсе не слыхали приговора. Лиу Сиу билась в тяжелом истерическом припадке, судорожно рыдая и прижимаясь к матери, и мать не могла отвести глаза от ее раздавленных пальцев. А И Тэ не приходил в сознание, несмотря на все усилия врача. Минутами казалось, что он уже мертв.

Зал опустел. Судьи и публика разошлись. Стража заперла входные двери. Мадам Лиу собиралась проводить свою дочь в тюрьму, как вдруг почувствовала, что кто-то осторожно трогает ее за плечо.

Она обернулась.

Молодой белокурый европеец стоял перед нею. Несмотря на горе, мадам Лиу испуганно отшатнулась. Но незнакомец улыбался так ласково и сердечно, что она немного успокоилась.

Это был молодой человек высокого роста с умным и энергичным лицом. Он не стал задавать ей праздных вопросов, а просто сказал на макайском наречии, понятном жителям Южного Китая и всех приморских провинций:

– Не падайте духом. Я был на заседании и так же, как и вы, уверен, что ваша дочь ни в чем не виновна.

– О, спасибо вам, спасибо, – ответила несчастная мать, сжимая руки. – Но что мне делать? Куда броситься?

– Я, по крайней мере, уверен, что не все потеряно. Не забудьте, что в вашем распоряжении целый месяц, потому что приговор будет послан на утверждение в Пекин. Приходите завтра утром в английскую факторию, спросите капитана Перкинса – и мы с вами постараемся найти убийцу. Даю вам честное слово.

– Да услышит вас Небо, господин, – ответила мадам Лиу, с глазами, полными слез.

И, поддерживая под руки дочь, с лицом, засиявшим внезапной надеждой, повела Лиу Сиу в тюрьму, где вдову убитого Линга никто не смел уже пытать, потому что китайские законы предписывают ласково обращаться с приговоренными к казни.

Глава XI
План капитана Перкинса

Все двадцать иностранных факторий расположены в единственном квартале, где китайское правительство разрешило селиться европейцам. Здесь они чувствовали себя почти как дома и не могли подвергнуться грубостям китайской полиции, но зато сильно болели желтой лихорадкой: местность была низкая, болотистая, да и ее китайское правительство уступило белым после двухсотлетней борьбы.

Раньше здесь было зловонное болото, тянувшееся узкой полосой вдоль берега Жемчужной реки. Поэтому кроме факторий, огромных зданий в новом стиле, с массой балконов и террас, окруженных пышными садами, в квартале было всего три улицы: Старокитайская, Новокитайская и Кабаний переулок.

На этих улицах были китайские магазины, но китайцы здесь не жили и на ночь возвращались в город.

Однако на этом крохотном пространстве заключались сделки на сотни миллионов долларов, несмотря на то что с открытием для иностранной торговли ряда северных портов Кантон утратил свое значение центра международной торговли.

Среди прочих факторий английская была самой крупной и богатой. Ее обширные склады и конторы имели собственные элеваторы и отдельную гавань в маленькой бухточке, куда впадали городские каналы, позади четырех огромных отелей с развевающимися на них британскими флагами.

На другой день после суда четверо европейцев сидели утром на террасе одного из этих отелей.

Густой тент защищал их от палящего солнца, а приподнятые занавески открывали роскошный вид. Но сидящих не интересовали виды. Они не искали глазами за изумрудной зеленью рисовых полей пестрых кровель кумирен. Не занимала их и Кантонская гавань с лодками, полными цветов, и сотнями судов под разными флагами.

Это был прежде всего наш вчерашний знакомый, капитан Перкинс, один из самых ловких контрабандистов, торгующих опиумом. Затем месье Лаутерс, первый женевский часовщик, перебравшийся на Дальний Восток и разбогатевший благодаря привычке китайских

франтов носить в кармане по две штуки часов. Рядом с ним сидела его супруга, хрупкая блондинка, вечно тоскующая по родине, и, наконец, сэр Артур Мюррей, эксцентричный англичанин, один из тех, что встречаются на всех концах земного шара, где есть опасная охота, древности, раскопки или же необычайно редкие товары.

Великолепный моряк, как все аристократы его национальности, богач, страдающий сплином, сэр Артур встретился три года тому назад с капитаном Перкинсом в Бенгальском заливе и попросил взять его на борт пассажиром.

Убедившись, что это человек воспитанный и деликатный, а главное, положительный, капитан согласился. С тех пор они не расставались.

Совершенно не интересуясь коммерческими операциями капитана, сэр Артур весело принял участие во всех опасностях его ремесла, рискуя попасть на виселицу или получить смертельную рану. Ибо часто случалось, что легкое суденышко, спасаясь от пиратов, хозяйничавших в устье Жемчужной реки, попадало под обстрел таможенных судов, несмотря на тайное соглашение всех контрабандистов, знакомых с местными обычаями, с мандарином, командовавшим таможенным фортом.

Форт этот был на полпути между Макао и Кантоном. Назывался он форт Бокка-Тигрис. Ни один иностранный корабль не мог пройти мимо, не заявив мандарину, какие грузы он везет, и не уплатив за них таможенной пошлины.

Все товары ввозились свободно, но опиум был, безусловно, воспрещен. Чтобы обойти запрещение, смелые контрабандисты заявляли мандарину, что везут рис или другой полезный продукт, и, уплатив ему солидную взятку, спокойно ехали дальше, а мандарин старательно закрывал глаза. Эти легкие парусники звались в Китае «опиум-клипер» и были вооружены как военные суда. И, несмотря на это, без взятки они не рисковали пройти мимо форта.

Случалось, что мандарин играл двойную игру: то есть, обманув правительство и получив взятку, вдруг чувствовал прилив служебного усердия и гнался за судами, которые сам же пропустил.

И тогда на Жемчужной реке разыгрывались кровавые стычки.

В общем, ремесло контрабандиста было делом далеко не безопасным.

Императорские эдикты против курильщиков опиума были почти забыты, и в самом Кантоне существовало более двадцати притонов, где сыны Небесной империи дурманили себя опасным наркотиком. Правда, время от времени начальник полиции сговаривался с начальником форта и устраивал облавы, чтобы показать, что борьба с курением ведется не на шутку. И тогда отважные контрабандисты платились за барыши собственной головой и головами своего экипажа.

На эту тему как раз философствовал капитан Перкинс, когда ему доложили, что какая-то дама-китаянка желает его видеть.

– Китаянка, дама? – удивилась мадам Лаутерс.

– О, не думайте, что это экзотический роман, дорогая мадам, – возразил капитан Перкинс. – Это просто-напросто мать этой несчастной, которую вчера приговорили к смерти. Этот идиот Минг уверен, что она убила своего супруга.

– Что же она хочет от вас? – изумился часовщик.

– Она хочет, чтобы я отыскал убийц Линг Таланга.

– Вы…

– Собственной персоной. И, так как я твердо уверен, что ее дочь невиновна, я думаю, я верю, что это мне удастся.

– Но зачем вам вмешиваться и предпринимать такое рискованное дело с таким проблематическим результатом? – продолжал часовщик, с недоумением смотря на капитана. – Что Минг идиот, это мы давно знаем и ничуть в этом не сомневаемся. Согласны и с тем, что Лиу

Сиу невиновна. Но это нас не касается. Мы здесь – иностранцы. И я думаю, что китайские власти будут на нас коситься, если мы станем вмешиваться в их дела.

– То есть как это к чему, милый Лаутерс, – усмехнулся капитан. – Во-первых, соображения чистой гуманности. А во-вторых – и это самое главное, – охотясь за убийцей Линга, я, может быть, спасу всю европейскую колонию и торговлю, которая в настоящее время стоит перед очень серьезной угрозой.

– Ничего не понимаю, – встревожился часовщик, заметив, что жена его побледнела.

Но Перкинс оборвал беседу.

– Тише, – сказал он. – Вот несчастная мать. Пусть она думает, что моя единственная цель – помочь ей в ее горе.

Лакей фактории, действительно, ввел мадам Лиу, которая едва двигалась на своих с детства искалеченных ногах, подгибавшихся от страха и усталости.

Впервые со дня основания фактории китайская благовоспитанная дама решилась переступить ее порог.

Любовь матери заставила ее пренебречь всеми предрассудками и правилами хорошего тона.

Какое ей дело до тысячелетних обычаев, запрещающих всякое соприкосновение с функоями, то есть «неверными собаками». Она добивалась спасения дочери, а до всего прочего ей не было никакого дела.

Но привычка сказалась: сделав несколько шагов, она внезапно остановилась, не смея двинуться с места.

Мадам Лаутерс бросилась ей навстречу, взяла ее под руку и бережно подвела к лонгшезу. Обе дамы уселись. Тогда капитан подошел к ним и сказал:

– Мужайтесь, сударыня! Я постараюсь выполнить все, что обещал.

Мадам Лиу подняла на него глаза, покрасневшие от слез, и этот взгляд ярче слов просил объяснений.

– План мой таков, – ответил на него Перкинс, – а сведения, которые мне удалось вчера получить, позволяют надеяться на успех. Завтра принц Конг возвращается в Кантон, и приговор по делу вашей дочери будет немедленно ему доложен. Я, со своей стороны, составил по этому делу подробную докладную записку, которую вы лично вручите наместнику.

– Я – каким образом? Разве вы не знаете, что по нашим обычаям женщине нельзя приблизиться к вице-королю?

– Я предвидел и это затруднение и вот что придумал. На другой день, по возвращении, принц посетит пагоду Хонан. Нам, иностранцам, разрешается быть на пути его следования и приветствовать его. Вы будете среди нас. И когда он поравняется с нами – вы подадите ему свою бумагу. Ручаюсь вам, что принц примет ее собственноручно, хотя бы потому, что мы будем присутствовать при этом.

– Вы думаете?

– Уверен! Суть дела в том, чтобы заинтересовать наместника и доказать ему, что Минг грубо ошибся. Кажется, это мне удалось. Вот прошение. Пусть защитник И Тэ завтра же переведет его на китайский язык и перепишет начисто. Я буду ждать вас послезавтра в десять часов утра.

С этими словами Перкинс вручил мадам Лиу рукопись в двенадцать мелко исписанных страниц. Она нервно схватила ее, жадно вглядываясь в строки непонятного языка, и низко-низко поклонилась.

Окрыленная надеждой, поспешила она в китайский город, как вдруг носилки ее перед самой тюрьмой застряли в толпе. Она выглянула и с ужасом откинулась в глубину паланкина: это народ шумно окружил полицейского глашатая.

Глашатай раздавал красные листовки и громогласно объявлял народу:

– Вот приговор, осуждающий на смерть убийц благородного Линга. Жена его Лиу Сиу будет повешена, а ученый И Тэ умрет медленной смертью. Казнь состоится, по указу нашего императора, ровно через месяц от сегодняшнего числа, на рассвете, на обычном месте, возле областной тюрьмы.

Ужасные слова еще звучали в ее ушах, когда дверь камеры распахнулась перед нею и она судорожно прижала к сердцу свою истерзанную дочь.

Ей казалось, что этот месяц пролетит как мгновение, что вот-вот вырвут Лиу-Сиу из ее объятий и потащат на виселицу.

Глава XII
Пираты и контрабандисты

Принц Конг, наместник трех юго-восточных провинций, был двоюродным братом богдыхана. Это был человек средних лет и большого ума. Хорошо осведомленный обо всех европейских делах благодаря воспитывавшим его в Пекине иезуитам, он осуждал традиционную политику обособления от европейцев и, вопреки пекинским традициям, был с ними очень внимателен.

Правда, он был заклятым врагом миссионеров и торговцев опиумом, но для этого у него были особые причины.

В религиозных вопросах Конг был скептиком, как большинство китайцев высшего круга. Он предоставил бы право свободно проповедовать любую религию, если бы католические миссионеры не вздумали подрывать авторитет правительства. Этого Конг не допускал. С другой стороны, жители его провинций могли бы день и ночь дурманить себя опиумом и ему бы не приходило в голову положить этому конец, если бы он не видел во ввозе опиума единственную причину затяжного валютного кризиса.

Действительно, до начала ввоза опиума Китай был насыщен золотом. Европейские суда приходили в китайские порты, груженные балластом, а уходили, набив трюмы чаем, шелком, фарфором и другими экспортными товарами, оставив в стране крупные суммы золота.

Правитель Индии, лорд Уэсли, первый забил тревогу. Он выдумал торговлю опиумом с единственной целью – выкачать из Китая большую часть ввезенного европейского и американского золота.

Одним словом, вопрос был не в народном здравии или морали, а просто-напросто в финансовом равновесии, которое необходимо было во что бы то ни стало восстановить. Такова была точка зрения принца Конга.

Ему казалось, что пираты куда лучше истребляют контрабандистов, чем таможенные суда, а поэтому пираты и бандиты, переполнявшие дельту Жемчужной реки, чувствовали себя под властью Конга безнаказанными за все нападения на иностранные суда.

Таким путем наместник достигал заветной цели, не нарушая хороших отношений с державами.

Но капитан Перкинс разгадал эту комбинацию.

Недаром приятель его Минг долго служил начальником таможенного форта Бокка-Тигрис и под хмельком разболтал ему многое. Но один факт, случившийся перед самым убийством Линг Таланга, только подтвердил намеки болтливого мандарина и предположения капитана Перкинса.

Два парусных судна, возившие опиум, «Наяда» и «Ловкач», были атакованы, ограблены и потоплены пиратами в нескольких милях от Макао на глазах китайских военных судов, не попытавшихся даже спасти гибнущую команду.

Экипаж обоих парусников погиб. А в виде компенсации за их гибель принц для приличия приказал казнить нескольких несчастных, захваченных больше для приличия в дельте реки.

Казнь этих пиратов должна была состояться через несколько дней после суда над Лиу Сиу.

Напрасно губернатор английской колонии предлагал стать во главе экспедиции против Латронских островов, где была база пиратов. Китайские власти категорически воспротивились этому, а державы не могли начать войну, защищая контрабандистов, то есть нарушителей законов. Время шло. Пираты наглели, а парусники гибли как мухи.

Тогда контрабандисты решили объединиться и прибегнуть к самозащите. Защищались они то силой, то деньгами, откупаясь от пиратов так же, как от таможенной охраны Бокка-Тигрис, поручив, ко всеобщему удовольствию, это щекотливое дело капитану Перкинсу как самому ловкому и энергичному в их среде.

Перкинс был уверен, что пираты Жемчужной реки были членами разбойничьей организации «Белая кувшинка», ловко обходившей китайскую полицию на земле и на воде. Он был уверен, что, защищая Лиу Сиу, он соберет необходимые ему сведения об этой преступной организации и таким путем убьет сразу двух зайцев.

Для этого нужно было прежде всего заинтересовать принца Конга судьбой осужденных.

На другой день после посещения фактории мадам Лиу дала перевести и красиво переписать по-китайски докладную записку Перкинса; на третий день она стояла со своими новыми друзьями на набережной, ожидая принца, едущего на остров Хонан.

Скоро артиллерийский салют возвестил о появлении представителя богдыхана, и шествие принца показалось в конце эспланады, с утра запруженной несметной толпой.

Впереди шли два скорохода в придворных одеждах, вооруженные кнутами, чтобы разгонять народ, оглушительно выкрикивая имя и титул своего господина. За скороходами скакал отряд кавалерии и шли слуги, мерно ударявшие в гонг.

Затем выступали три человека в проволочных касках с зелеными перьями, с эмблемой могущества принца – тяжелыми цепями, которыми они мерно побрякивали на ходу; за ними слуги, вооруженные бамбуковыми палками, несли широкую доску с написанным на ней золотом именем и титулом принца.

Паланкин принца следовал за этой доской. Серебряная сетка покрывала его верх, шелковые занавески спускались по бокам. Четверо дюжих носильщиков несли его в ногу, и другие четверо шли сзади, готовые ежеминутно их сменить.

Адъютанты и слуги с веерами и зонтами окружали паланкин. За паланкином важно выступал церемониймейстер и прочие придворные чины.

Отряд татарской кавалерии, с саблями наголо, замыкал шествие.

Толпа расступилась и почтительно молчала, потому что в Китае почтение выражают тишиной.

У набережной великолепно украшенная гондола поджидала принца. Десять менее пышных гондол должны были принять его свиту.

Принц вышел из паланкина и любезно ответил на поклоны Перкинса и его друзей. Мадам Лиу затрепетала. Но Перкинс и его друзья вытолкнули ее вперед, и она сама, не понимая, как это случилось, очутилась у ног вице-короля.

Ее внезапное появление вызвало сильное движение среди свиты. Двое адъютантов бросились к ней, собираясь ее оттащить, но принц остановил их жестом и наклонился к просительнице, ласково спрашивая, о чем она просит.

– Правосудия, господин! Правосудия для моей несчастной дочери, – простонала она сквозь слезы. – Ее присудили к смерти, а она ни в чем не виновата.

Принц что-то тихо спросил у секретаря, поднял ее и сказал, принимая прошение:

– Я знаю, о чем вы просите. Обещаю вам подробно просмотреть это дело до отправления в Пекин. Большего я не могу обещать, ибо никто из нас не может стать выше закона.

Принц направился к трапу, что-то приказав одному из адъютантов. Мадам Лиу растерянно стояла, не зная, что делать. Адъютант подошел к ней и сказал:

– Сударыня, его высочество просит вас остаться. Принц желает побеседовать с вами по возвращении. Следуйте за мной. В Хонане вы сядете в один из придворных паланкинов, и вас доставят во дворец.

Неожиданное приглашение перепугало бедную женщину. Она искала глазами Перкинса и его друзей, жестом ободрявших ее издалека, потом поклонилась и ответила, что готова ехать.

Гондола принца неслась к острову на двадцати веслах. Салют гремел с фортов. И, садясь в лодку, мадам Лиу с облегчением заметила, что капитан и сэр Артур тоже спускаются в лодки.

Но ни она, ни капитан не обратили внимания на двух китайских матросов, внимательно следивших за всей этой сценой.

Один из них был очень худ и высок и, если бы Мэ Куи сопровождала хозяйку, она, конечно, узнала бы его, несмотря на костюм и низко надвинутую на глаза широкополую шляпу. Да, это был Чу, мясник с улицы Златокузней, исчезнувший из Фун-Зи два месяца тому назад.

– Значит, – сказал он товарищу, сильно работая веслами, – ты уверен, что эта европейская собака – капитан «Молнии»?

Так звали галиот Перкинса.

– Уверен, – ответил матрос. – Я видел его десятки раз на таможенном посту Бокка-Тигрис, когда он бывал у Минга.

– Пусть ждет. Она не вернется в Бенгалию, не будь я Красный Паук. – И прибавил с непередаваемой ненавистью: – Защищая Лиу Сиу, капитан Перкинс вдвойне становится моим врагом.

Гондола вице-короля пристала к пристани Хонана.

Толпа жрецов его поджидала. Принц вступил под портик храма, и Чу еще раз заметил Перкинса и сэра Артура. Они дружески кивнули мадам Лиу и вступили под своды кумирни.

Тогда мясник ловко прыгнул на берег и исчез в толпе.

Храм Хонана – одна из главных святынь Кантонской провинции. Несмотря на это и на непрерывный поток пожертвований, он наводит на печальные мысли о том, что китайцы предоставляют своим богам весьма неказистое помещение.

Длинный мост соединяет остров с берегом, где раскинулось одно из самых грязных и шумных предместий Кантона. Между мостом и внешней оградой храма громоздятся скученные лавчонки обжорного ряда, игорные притоны, ломбарды и ссудные кассы, неизменные спутники азартной игры, публичные дома и курильни опиума.

И, лишь пробравшись через всю грязь этих построек, вступаешь сквозь узкую калитку в место, где царит полное безмолвие и мистический покой.

Тридцатифутовые стены огораживают обширную площадь, застроенную массой причудливых построек, среди которых возвышается храм Будды.

Чтобы попасть в самый храм, необходимо пройти под вторым портиком, охраняемым двумя гигантскими, грубо раскрашенными статуями из просмоленного картона. Золоченые крыши защищают их от дождя. Изображают они двух величайших защитников Срединной империи.

Огромное здание главного храма разделяется на множество мелких святилищ, посвященных различным богам. И только главный алтарь – святилище Будды. Это огромная гале-

рея в сто футов высотой, с роскошным мозаичным полом, покрытым, по случаю приезда вице-короля, плотными циновками.

Красные стены святилища были украшены щитами с золотыми заповедями. А самое божество представлено было в виде статуй трех Пао, то есть изображали Прошедшее, Настоящее и Будущее чудовищными чертами, позаимствованными у индусов.

Мелкие курильницы дымились перед ними ароматами. Но самым замечательным украшением храма были два бронзовых дракона с распростертыми крыльями, стоящие по обеим сторонам святилища. Они, казалось, зорко стерегли святыню, грозно сверкая глазами из драгоценных камней.

Принц опустился на трон против статуй Будды. Адъютанты окружили его полукольцом – и началось богослужение. Хор бонз мелодично пел гимны под нежный перезвон колокольчиков. Курильницы дышали ароматами…

Через полчаса принц Конг покинул кумирню, сделав богатый вклад в буддийский монастырь.

Из гондолы он пересел в паланкин и вернулся во дворец. А за ним отправилась взволнованная мадам Лиу.

В ожидании аудиенции ее оставили на женской половине; день ее прошел в непрерывных колебаниях между отчаянием и надеждой. Принц, казалось, забыл о просительнице.

Настала ночь, а с нею – новые мучения: тоска по дочери, которую нельзя было ни навестить, ни утешить. Не смыкая глаз лежала она на мягкой циновке и мысленно переносилась в недавнее прошлое, в мирную и счастливую обстановку маленького домика в Фун-Зи. – И не знала, что в это мгновение там разыгрывалась новая драма.

Глава XIII
Похищение Мэ Куи

Сознавая, что ни Лиу Сиу, ни И Тэ не причастны к убийству Линга, Мэ Куи жила под вечным гнетущим страхом. Тысячу раз собиралась она бросить оставленный на ее попечение дом и рассказать префекту кантонской полиции все, что было между нею и Чу, потому что в глубине души она была уверена, что он – настоящий убийца. До последней минуты ожидала она, что подсудимые будут оправданы, но, узнав о приговоре, побоялась погубить себя слишком поздним признанием.

Она старалась редко выходить, чтобы не видеть забитых окон мясной. Ей все казалось, что нарисованный на них паук оживает и бросается на нее с раскрытыми челюстями.

Тяжелые предчувствия не давали ей покоя. В тот день, когда мадам Лиу подала прошение вице-королю, ей стало особенно страшно и тяжело. Целый день бродила она по пустым комнатам, и все у нее валилось из рук.

Настала ночь. Опустела улица Златокузней. Город отдыхал, и глубокая тишина ее пугала, а страх и угрызения совести не давали уснуть.

Вдруг она услыхала шаги. Несколько человек остановились у дома, и, прежде чем она успела шевельнуться, ее связали и бросили на пол, заткнув тряпкой рот.

В комнате было темно, и она не могла их разглядеть. Ей казалось, что их было трое. Потом они перетащили ее в столовую и зажгли масляную лампу.

Это были трое дюжих уродливых мужчин, одетых рыбаками.

– Живо, – командовал предводитель. – Свяжите ее, как груз. А если пикнет – придушите.

У Мэ Куи замерло сердце. Бандиты замотали ее в холстину и больно скрутили веревками.

– Готово, что ли? – спросил хриплый голос.

– Готово, – отозвался один из рыбаков. – Идем.

– Только не с пустыми руками. Угодили хозяину, а теперь надо подумать и о себе.

И, не ожидая позволения, рыбаки исчезли в соседних комнатах. Через несколько минут они возвратились с наскоро связанными узлами.

– Марш! – скомандовал предводитель.

Подхватив связанную Мэ Куи, грабители двинулись к выходу. Предводитель выглянул из дверей, огляделся, нет ли кого на улице, знаком вызвал своих людей и аккуратно запер за ними двери. Затем вся компания двинулась переулками к реке. Двое тащили награбленное, третий взвалил Мэ Куи на плечо, точно свернутые сети.

Скоро они добрались до берега. Ночь была темная, безлунная. Воды Жемчужной реки катились тяжело и бурно, качая лодки и часто швыряя их друг о друга.

Предводитель подтянул лодку к отмели, нащупал весла, усадил своих сообщников, свалил груз и, отрезав причал, оттолкнулся от берега.

Течение было быстрое. Они скоро переправились на противоположный берег, под которым вода была спокойнее.

Здесь река разбивалась на три рукава, из которых два судоходны и сливаются у форта Бокка-Тигрис, а третий, бурный, испещренный скалами и подводными камнями, пересекается порогом, рев которого разносится на несколько миль. К этому опасному месту и направлялась лодка пиратов.

Плыли они минут десять. Вдруг кормчий встал и бросил во мрак пронзительный крик дьявольской птицы Гуамала. Такой же крик ему ответил. И на гребне скалы, о которую хлестали и разбивались волны, выросла человеческая фигура.

Моряки подняли весла. Лодка уткнулась в скалу.

– Это ты, Вум Пи? – спросил незнакомец, подходя к лодке.

– Я, господин!

– Удалось?

– Да, вот эта женщина.

– Хорошо. Эй, вы! За дело!

Эти слова относились к дюжине подозрительных типов, внезапно выросших на скале. Они как будто ждали приказания и быстро спустились к воде. Одни нырнули, другие закопошились, стоя по плечи в воде, и Мэ Куи не могла понять, что они делают.

Потом, разделившись на группы по три человека, они схватились за канаты от буйков и стали что-то тянуть со дна реки. Скоро неизвестный предмет показался над водою. Это было длинное двадцативесельное судно типа не то гоночной, не то пиратской лодки, с необычайно острым носом и длинными веслами. На боку его открывался клапан, при помощи которого судно можно было моментально затопить и таким образом укрыть его от погони.

Молчаливая команда быстро подняла судно над водой. Вода вытекла. Тогда они завинтили крышку клапана, спустили судно на воду и сели на весла. Вум Пи перебросил в него Мэ Куи. Веревки туго скручивали все ее тело, только один из гребцов стянул холстину с ее лица, и она с ужасом глядела на все эти приготовления.

Вдруг судно дрогнуло от резкого толчка: это прыгнул в него тот, кого пираты звали господином. Он взял длинное весло и стал у кормы.

– Чу, – пролепетала служанка.

– Да, Чу, – ответил он, наклоняясь и как бы желая насладиться ее ужасом. – Чу, которого измена твоей хозяйки превратила в убийцу и разбойника, Красный Паук, который отомстит тебе за все свои страдания, как уже отомстил Лиу Сиу.

И, оттолкнув ее ногой, он отдал отрывистое приказание.

Двадцать весел поднялись и замерли в воздухе, потом разом опустились, глубоко захватывая воду. И легкое быстроходное судно птицей перелетело в главное русло реки.

Луна начинала всходить. Под ее бледными лучами темное судно казалось таинственным и зловещим. А Чу стоял на корме и правил веслом, точно гений зла, точно черный неведомый дьявол.

Глава XIV
Решение вице-короля

Мадам Лиу напрасно думала, что наместник о ней забыл. Но ему пришлось сначала разобраться в делах, накопившихся за время его отсутствия, и только поздно вечером прочел он ее прошение.

Перкинс так красноречиво излагал факты и делал из них такие логические выводы, что наместника прежде всего поразила не столько невиновность Лиу Сиу, сколько грубые ошибки и полная бездеятельность Минга, который даже не потрудился разобраться в уликах, задуматься над их противоречиями и сделать хоть одно усилие, чтобы открыть истину.

Перкинс начал издалека. Описал детство Лиу Сиу, тонкими и верными штрихами набросал ее чистый юный образ, так не вязавшийся с мыслью о преступлении. Подробно охарактеризовал И Тэ. Затем рассказал, как Минг велел арестовать Лиу Сиу по простому наговору Линг Тиэнло, как подверг ее жестокой пытке и отказался отдать ее матери на поруки. Рассказал, что десятки лиц готовы подтвердить под присягой, что в день свадьбы И Тэ сидел весь вечер в гостиной Линга и ушел домой с целой компанией попутчиков, что при обыске у него не нашли ни одной вещицы из похищенных драгоценностей, и Минг совершенно забыл о таком важном факте, как грабеж, и даже не отдал распоряжения следить за ювелирными лавками и толкучкой, не появится ли там хоть что-нибудь из драгоценностей невесты. Не задумался он и над вопросом, мог ли хрупкий и болезненный ученый задушить и перенести в чащу кактусов и алоэ такого здорового и крупного мужчину, как Линг Таланг. Зато обратил внимание на веер, явно подброшенный на месте преступления, чтобы направить следствие по ложному следу.

Шаг за шагом анализировал он каждую улику и, сопоставляя их друг с другом, доказал шаткость и нелепость обвинения. Заканчивалось прошение выводом, что убийцу надо искать среди соседей или знакомых мадам Лиу по городу Фун-Зи или же среди людей, знающих ее образ жизни, а для этого прежде всего допросить служанку Мэ Куи и многих соседей.

Прочитав прошение, наместник задумался. Потом, несмотря на поздний час, приказал вызвать Минга на следующее утро во дворец и послал адъютанта в Фун-Зи с приказом отыскать и доставить во дворец Мэ Куи, которую ни Минг, ни Фо Гоп не допросили.

Минг страшно перепугался, когда посланец принца поднял его ночью с постели. Не найдя мандарина в городе, он отправился за ним на дачу, и Минг понял, что дело серьезное.

Напрасно расспрашивал он адъютанта. Тот ничего не знал, но приказ был категорический – доставить Минга утром во дворец.

Покой был потерян. До рассвета Минг провалялся на пухлых циновках, тщетно стараясь угадать, чего хочет кузен богдыхана. На совести почтенного чиновника было много грешков, особенно по прежней службе в форте Бокка-Тигрис, где состояние его утроилось благодаря тайной дружбе с контрабандистами. Но такие грешки были делом настолько обычным для китайских чиновников, что принц не стал бы поднимать его с постели ради таких пустяков.

Как бы там ни было, тяжелые предчувствия терзали мандарина.

Минг был добродушный толстяк, достигший высоких служебных постов, но от природы весьма ограниченный. Это был сибарит в полном значении этого слова. Стол его славился на всю провинцию, и злые языки уверяли, что, несмотря на большую семью, он принимает на службу только молоденьких, хорошеньких служанок. Говорили даже, что гондола

председателя часто скользила ночью по кантонскому рейду и незаметно сворачивала к плавучим садам наслаждений.

А главное, сэр Артур и капитан Перкинс категорически утверждали, что надменный мандарин предпочитал рисовой водке своего отечества французские и португальские вина, а в особенности шампанское.

С такими привычками избалованному Мингу не особенно улыбалось вставать на рассвете, но он знал, что глава трех провинций не шутит со своими подчиненными, и в назначенный час паланкин мандарина был у порога дворца.

Ранняя прогулка на свежем воздухе и почтительные приветствия населения немного успокоили нервы Минга, и с обычно улыбающейся физиономией ответил он на почтительное приветствие дежурного адъютанта.

Ожидая в приемной, Минг внезапно столкнулся с мадам Лиу, которую наконец пригласили к наместнику. Он сразу понял, что дело идет о процессе Лиу Сиу, и успокоился.

С обычной своей самоуверенностью Минг полагал, что дело было изучено тщательно и непогрешимо, и решил, что принц просто-напросто желает получить от него дополнительные справки и разъяснения.

Он овладел собою и предстал перед принцем с лицом честного и непогрешимого служаки.

Но, сделав три обычных коленопреклонения, он поднял глаза и удивился суровому виду наместника. Невольное сомнение закралось в душу толстого мандарина, и он слишком поздно понял, что ошибся в своих радужных предположениях.

Принц едва ответил на поклоны мандарина. Облокотившись о рабочий стол, он перелистывал толстый томо, в котором Минг узнал дело об убийстве Линг Таланга. Так прошло не менее четверти часа. Принц изучал дело и обращал на почтенного председателя не более внимания, чем на жужжащую под потолком муху.

Мадам Лиу ввели в кабинет одновременно с Мингом.

Принц кивнул ей и знаком предложил сесть. Все это очень смущало почтенного мандарина. Он рылся в памяти, вопрошая совесть, стоял, скромно опустив голову, как вдруг принц поднял глаза и отрывисто спросил:

– Я внимательно изучил дело об убийстве Линг Таланга, но не нашел в нем всех необходимых данных и документов, которые должны были бы быть в таком серьезном юридическом деле. Поэтому я вас и вызвал. Прежде чем отослать приговор в Пекин, я должен получить от вас необходимые разъяснения.

– Приказывайте, ваше высочество! – ответил Минг, стараясь казаться спокойным.

– Я нахожу, – продолжал наместник, – что следствие по этому делу произведено крайне небрежно и поверхностно. Особенно удивляет меня арест новобрачной. Это было для нее более чем мучительно. Вы не можете не знать, что женщины высшего круга, подозреваемые в каком-либо преступлении, могут оставаться дома под поручительством родственников. У мадам Линг есть мать. Объясните, были ли у вас особые мотивы, чтобы применить к ней такую исключительную суровость.

– Преступление этой особы, – твердо ответил Минг, – не могло не показаться мне исключительным, и я счел долгом уступить общественному мнению и посадить ее в тюрьму.

– Судья не должен подвергаться влияниям извне. Он должен судить по закону, не прислушиваясь к слухам и разговорам.

– Но, ваше высочество, преступница сама созналась в преступлении.

– Да, измученная и сломленная пыткой. Но довольно об этом… Сравнили ли вы следы на дорожке сада со следами ног или обуви И Тэ?

– Признаюсь, не сверял.

– Вот видите. Это уже ошибка, достаточная для отмены приговора, потому что ноги молодого ученого необычайно миниатюрны, а следы убийцы – необычайно крупны и грубы. То же самое можно сказать и об отпечатке руки на подушке на брачном ложе. Это огромная рука человека, привыкшего к физическому труду… Сделали ли вы снимок со следов и с отпечатка ладони? Осмотрели ли дом в Фун-Зи, где жила Лиу Сиу до брака? Допросили ли вы ее соседей?

– Нет, – пробормотал Минг, все более теряясь.

– Постарались ли вы выяснить, не было ли врагов у мадам Лиу или у ее дочери? Не было ли у Лиу Сиу отвергнутых поклонников, могущих мстить ей за брак с Линг Талангом?

– А ее двоюродный брат И Тэ? Я и решил, что это убийство на почве ревности.

– Неправда, – вмешалась мадам Лиу, внимательно слушавшая допрос. – Мой племянник действительно мечтал стать моим зятем, но достаточно было одного намека с моей стороны о том, что брак этот невозможен, чтобы он беспрекословно подчинился моей воле.

Вице-король знаком попросил ее не перебивать и продолжал:

– Вы даже не подумали вызвать и допросить прислугу Мэ Куи. А она могла бы дать вам очень важные и ценные сведения обо всех, кто так или иначе соприкасался с домом Лиу.

– Правда, – бормотал перепуганный мандарин, окончательно сбитый с толку. – Я об этом совсем не подумал. Признание обвиняемой и находка веера И Тэ, в связи с его увлечением Лиу Сиу, – все это показалось мне настолько убедительным, что я ни над чем не задумывался.

– Вот видите. Я нахожу, что надо прежде всего допросить прислугу. И я уже послал за нею.

Принц знаком подозвал адъютанта и что-то приказал ему вполголоса. Тот вышел, но через мгновение возвратился с офицером, ездившим в Фун-Зи, лицо которого изображало сильное волнение.

– Что с вами? – спросил наместник. – Где эта женщина?

– Ваше высочество, она исчезла.

– Как? Вы ее не нашли?

– Никак нет. Я приехал в Фун-Зи на рассвете и долго стучался в указанный дом, потом заставил взломать дверь и обыскал там каждый уголок. Дом совершенно пуст. Все комнаты носят следы недавнего грабежа: мебель поломана или разбросана, все ценное исчезло. Грабеж произошел сегодня ночью, потому что в столовой еще горела масляная лампа.

– Допросили ли вы соседей?

– Допросил. Но никто ничего не видел и не слышал. А вчера служанку видели на улице.

Наместник встал и раздраженно зашагал по кабинету. Минг не смел поднять глаза, а мадам Лиу, пораженная новым несчастьем, подавленно молчала.

– Вы видите, господин председатель, – заговорил вице-король, останавливаясь перед мандарином. – Вот новое преступление, логически вытекающее из первого. Одного этого сообщения достаточно, чтоб убедить меня в невиновности осужденных. Для меня ясно, что истинные убийцы Линг Таланга похитили прислугу или убили ее, чтобы устранить свидетельницу. А может быть, она сама исчезла, ограбив дом, как их сообщница.

Как бы там ни было, вы сделали серьезный служебный промах. И вот что я решил: дело пойдет в Пекин с моей докладной запиской и особым мнением. Возвратится оно не ранее чем через месяц. Если в течение этого срока вы найдете настоящих убийц, невинно осужденные будут помилованы и всенародно реабилитированы, и этим самым вы искупите свою вину перед ними и правосудием. Но если по истечении этого срока дело останется в нынешнем своем положении и если наш августейший монарх утвердит приговор и постановит привести его в исполнение, мадам Линг и И Тэ будут казнены, ибо я первый должен

подать пример повиновения закону. Но зато вы как судья, допустивший такую вопиющую судебную ошибку, получите сто бамбуковых палок.

– Сто бамбуковых палок, – пролепетал Минг, бледнея. – Сто бамбуковых палок…

Ему казалось, что он ослышался.

– Да, сто бамбуковых палок, – твердо повторил Конг.

– Ведь это смертный приговор.

– Почти. Но зато невинные тоже умрут по вашей милости. Ступайте. И да поможет вам Лао-Це отыскать преступников.

И, не взглянув на толстого председателя, принц Конг вышел из комнаты.

Все завертелось перед глазами Минга. Ноги его подкосились, и он тяжело рухнул на стул.

Отдышавшись, он с трудом добрался до паланкина и почувствовал себя так плохо, что слугам пришлось уложить его на подушки носилок и отливать холодной водой.

– Сто бамбуковых палок, – бормотал он всю дорогу. – Мне, Мингу, мандарину третьего класса.

Наконец они достигли набережной. Гребцы поджидали Минга, чтобы переправить его на дачу. Но он был так расстроен, что пришлось перенести его в лодку на руках.

– Что с вами, почтеннейший? – спросил кто-то как раз в ту минуту, когда Минга бережно опускали по трапу. – На кого вы похожи! Что случилось?

Минг обернулся.

Это был капитан Перкинс.

– Что случилось, – простонал Минг, узнав старого приятеля. – Что случилось?! Я обесчещен, я погиб! Сто бамбуковых палок… Сто бамбуковых палок… – И, безнадежно махнув рукой, тяжело опустился на скамейку.

Часть II
«Белая кувшинка»

Глава I
Цена повешенного

овно через неделю два человека в темных одеждах прошли через каменный мост, соединяющий остров Хонан с берегом Жемчужной реки.

Было два часа ночи.

Добравшись до первых домиков предместья, они свернули направо, прошли вдоль берега и остановились перед жалкой хижиной, заливаемой во время разлива водой.

Оба были одеты в бедные китайские костюмы. И хотя было так темно, что приходилось идти ощупью, они низко нахлобучили на глаза широкополые фетровые шляпы.

Впрочем, бояться было нечего: набережная была совершенно пуста.

На рейде дремали парусники и пароходы, а между ними сияли яркими огнями плавучие сады наслаждений, так называемые барки цветов. Но темно и зловеще тихо было в грязном предместье Хонана.

– Здесь, – сказал более высокий и толстый, показывая на хижину. – Наконец-то; я совсем выбился из сил, да и квартал на редкость вонючий.

– Да… По-видимому, ваш коллега, наблюдающий за чистотой улиц, не очень-то заботится об этом квартале, – ответил его спутник, зажимая нос. – Вы уверены, что это именно здесь?

– Разумеется, – проворчал толстяк.

И громко стукнул в дверь рукояткой сабли. Но только эхо отозвалось на стук. Он застучал еще сильнее и с отчаянием пробормотал:

– Этого еще недоставало. Кажется, Ру Ми нет дома.

– Немного терпения, господин председатель. Кажется, кто-то идет.

Действительно, в щелях замелькал огонек. Дверь осторожно приотворилась, и, не впуская поздних посетителей, кто-то грубо спросил:

– Кто там? Чего вам надо?

– Черт возьми, – пробормотал тот, кого назвали председателем. – Вот препятствие, которого я совсем не предвидел. Я совсем не желаю кричать на весь квартал, как меня зовут.

Спутник его насмешливо пожал плечами:

– Неужто Ру Ми не узнает собственного начальства?

– А ведь правда, – спохватился Минг. – Я, кажется, так поглупел, что ничего не соображаю.

Пользуясь темнотой, Перкинс сделал красноречивый жест, показывающий, что такое превращение весьма возможно. Минг назвал себя. Дверь моментально распахнулась, и гости перешагнули порог.

Хозяин ввел их в тесную, нищенски обставленную конуру, воздух которой был пропитан дымом.

Гости оглянулись. Меблировка состояла из длинного черного сундука, сделанного из гроба, куда хозяин прятал свои лохмотья, и грязных, заваленных тряпками нар, возле которых еще дымилась трубка опиума.

Увидев такое доказательство нарушения приказа против курения опиума, Минг почувствовал прилив служебного рвения. Он резко распек бы попавшегося подчиненного, а может быть, арестовал бы его, если бы контрабандист не сказал ему по-английски:

– Надеюсь, вы не собираетесь составить протокол?

– А почему бы не составить?

– Да хотя бы потому, что, может быть, именно я продал ему этот опиум, пропущенный вами через таможню.

– А ведь правда, – спохватился бывший начальник форта Бокка-Тигрис. – Впрочем, нам сейчас не до этого.

И, повернувшись к Ру Ми, почтительно стоявшему на коленях в ожидании, когда высокий гость соблаговолит заговорить, мандарин спросил:

– Ты, кажется, назначен казнить пиратов в Гонконге?

– Да, господин, – ответил Ру Ми, поднимая голову. – Послезавтра утром.

Если бы Лиу Сиу присутствовала при этой беседе, она дрогнула бы от ужаса и отвращения, узнав хозяина хижины. Это был палач, притащивший ее на аркане в суд и пытавший во время заседания.

– Что ты должен с ними делать – повесить или обезглавить? – продолжал Минг. – Я еще не видел резолюции наместника.

– Я сегодня получил приказ, – ответил палач. – Там сказано, что по закону можно рубить голову только тем, кто убивал китайцев. А пираты грабили и убивали англичан. Поэтому их приказано повесить.

– Только англичан. Вот нелестное различие для британского флага, – пробормотал Перкинс, – но на этот раз я не протестую.

Палач говорил правду.

В Китае очень редко рубили головы. Китайцы вообще презирают человеческую жизнь, но, с другой стороны, придают огромное значение тому, чтобы тело их оставалось после смерти нераздробленным. Вот почему, пробривая темя, они непременно оставляют на макушке клок длинных волос, за который ангел смерти должен вознести их в селения блаженных. Иначе в рай попадает одна голова, а все тело умершего остается на земле, лишенное вечного блаженства.

– Ты, кажется, знаешь в лицо осужденных, – продолжал Минг, пропуская воркотню Перкинса мимо ушей.

– Да, – ответил Ру Ми.

Вопросы мандарина все более его смущали.

– Одного из них зовут Пей Хо. Это их бывший атаман.

– О да. Этого я помню. Крепкий парень. Никакая пытка не заставила его говорить.

И палач с грустью вздохнул, вспоминая, как битый час пытал он пирата и не добился от него ни слова.

– Где они теперь?

– По-прежнему сидят в Гонконге. Губернатор потребовал, чтобы они оставались там до последней минуты, и их приведут на место казни под конвоем английских солдат.

– Хорошо, – перебил Минг. – Все это неважно. Я пришел купить у тебя тело Пей Хо.

– Тело Пей Хо? – переспросил пораженный палач.

– Ну да, тело Пей Хо. Его труп, одним словом. А тебе-то что! Ты отдашь мне его после повешения.

Ру Ми смотрел на мандарина с видом глубокого непонимания. Минга взорвало.

– Одним словом, назначай цену. Вот тебе кошелек. Ну что, довольно? А если мало – говори сам, сколько хочешь.

С этими словами он бросил на нары кошелек, туго набитый новыми мексиканскими пиастрами, которые особенно ценятся в Китае. Это было больше годичного жалованья палача.

Ру Ми нерешительно молчал.

– Ну что, согласен или нет? – гневно повторил мандарин.

– Растолкуйте мне сначала, зачем вы его покупаете?

– Это тебя не касается! Нахал! Как ты смеешь меня допрашивать?

Ру Ми съежился, как побитая собака.

– Вы знаете лучше меня, господин, что за продажу мертвого тела полагается сто бамбуковых палок.

– Черт возьми! Неужто ты принимаешь меня за колдуна или поставщика врачей? – резко ответил почтенный председатель, чувствуя, что напоминание о ста бамбуковых палках сразу испортило ему настроение. – Я не собираюсь делать ничего противозаконного, – повторил он мягче. – Соглашайся или откажись прямо. Если ты согласен, я уплачу тебе еще столько же. Если нет, я завтра же тебе припомню, что мы застали тебя за трубкой опиума.

– Хорошо, хорошо, я согласен, – испуганно сказал Ру Ми.

– Ну так слушай и постарайся запомнить точно все, что я тебе прикажу. Ты повесишь Пей Хо своими собственными руками и непременно последним. Постарайся его не мучить и оставь на виселице.

– Хорошо.

– Через полчаса ты начнешь снимать трупы. В это время стемнеет, публика разойдется, и ты останешься один со своими помощниками. Снимешь Пей Хо первым. Сложив трупы на повозку, ты отвезешь их в братскую могилу, но забудешь Пей Хо под виселицей. Вот и все, что от тебя требуется.

– Слушаю.

– То-то. И в тот же вечер ты получишь гонорар.

Палач поклонился до земли в знак глубокой благодарности и взял лампу посветить уходящим гостям.

– Кажется, я ничего не забыл? – спросил Минг, очутившись на улице.

– О нет, – ответил капитан. – Страх и жадность скрутили это животное. Идемте скорее, а то запрут решетку фактории, и мне придется ночевать на улице.

Двери хижины громко захлопнулись. Это Ру Ми торопился посчитать деньги и докурить трубку опиума, от которой его так неожиданно оторвали.

Через десять минут Перкинс и Минг дошли до моста, и мандарин со вздохом облегчения остановил приятеля.

– Я исполнил ваше желание, хотя, сказать по совести, не понимаю ваших проектов. Надеюсь, вы, в свою очередь, сдержите свое слово.

– Слово? Какое слово? – удивился англичанин, мягко, но настойчиво увлекая Минга в сторону фактории.

– Как какое?! – с отчаянием воскликнул мандарин. – Да помочь мне найти убийц Линга. Я делаю все, что в моих силах. Но все напрасно.

– А… Правда, правда. А я и забыл. Простите. Расскажите, как у вас дела.

– И не спрашивайте. Я мобилизовал лучших агентов Фо Гопа. Но можно подумать, что этим скотам хочется, чтобы мне… Одним словом, они ничего не нашли. Я обошел все тюрьмы, допросил больше сотни арестованных, человек двадцать подверг пытке. И все напрасно.

– Допросили ли вы жителей Фун-Зи, бывших соседей мадам Лиу?

– Да. Но, к несчастью, служанку выкрали, а все остальные не знают ничего. Если вы меня не спасете – я безвозвратно погиб.

– О, до этого еще далеко. Подытожим все данные. Во-первых, кого подозревают в похищении Мэ Куи? Разве нет ни следов, ни улик?

– Никаких! Впрочем, есть одна улика. Найдена матросская шапка там, где стояла лодка, которую они украли.

– Какая шапка – китайская или европейская?

– Китайская, какие носят рыбаки и ваши друзья, лат-ронские пираты. Как видите, улика не из важных.

– А по-моему, очень важная. Потому что, если пираты похитили прислугу мадам Лиу, можно почти наверное предположить, что один из них убил Линг Таланга.

– А ведь правда, – удивился собственной недогадливости Минг.

– Очевидно, его убил отвергнутый поклонник Лиу Сиу.

– Мадам Лиу никого не принимала, кроме своего племянника. Она категорически на этом настаивает.

– Ее дочь могли встретить на улице, в кумирне. Наконец, просто заметить в окно.

– Она почти не переступала порога. А дом напротив пустует целых три месяца.

– Вот как! А кто там жил?

– Какой-то мясник. Какая-то нелепая личность. Он внезапно уехал, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

– А как звали этого мясника?

Минг потер лоб, вспоминая, и не сразу ответил:

– Кажется, его звали Чу. Уличные мальчишки прозвали его Красным Пауком и нарисовали на ставнях его бывшей лавки огромного паука-птицееда.

Перкинс задумался.

– Скажите, – спросил он вдруг, – у кого покупала мясо прислуга мадам Лиу?

– Должно быть, у него, как все слуги квартала.

– А этот Чу, каков он из себя – высокий или низкий, сильный или слабый?

– Да почем я знаю! – рассердился Минг. – На кой черт стану я этим интересоваться!

– Как на кой черт… Ах, мой бедный председатель! И скверный же вы сыщик, сказать по совести. Вы знаете, что следы убийцы принадлежат высокому и грузному человеку. Вы знаете, что ладонь, оставившая на подушке след, необычайной величины. Убийца такой силач, что придушил свою жертву и перетащил труп в заросли кактусов. И вы даже не поинтересовались ростом и сложением таинственно исчезнувшего соседа.

Но Минг не сдавался.

– Говорят вам, что он уехал задолго до преступления. Вы сами плохо соображаете.

– Я и не пробую соображать. Я просто говорю, что, с одной стороны, имеется не найденный убийца, а с другой – удравший неведомо куда сосед. Я лишь сопоставляю факты.

– А ведь правда…

– Вот то-то и оно. А что за человек этот Чу?

– Очень странная личность. То он шутил со всеми, ухаживал за покупательницами, бывал в обществе, то становился мрачным и молчаливым, как покойник.

Перкинс довольно улыбнулся:

– Ну, мой милый Минг, поверьте моему слову, что этот сбежавший мясник как-то причастен к смерти Линг Таланга.

– Что вы говорите!

– Припомните, что Линга убили тяжелым орудием с двумя лезвиями. Такими ножами режут мясо все китайские мясники. Сопоставьте это с тем, что Чу исчез как раз тогда, когда распространилась весть о помолвке Лиу Сиу. Кто знает, может быть, он вовсе и не уезжал, а только скрывался в окрестностях Фун-Зи, готовясь к преступлению.

Минг развел руками:

– Поразительно! Я никогда не подумал бы обо всем этом.

– Из этого я заключаю, – продолжал спокойно Пер-кинс, – что достаточно доказать, что Мэ Куи похитили пираты, чтобы напасть на след убийцы. Возможно, что, покупая тело Пей Хо, вы не столько оказали мне услугу, сколько спасли себя от бамбуковых палок.

– Уж этого я никак не могу понять.

– Скоро поймете. Но для этого вам необходимо быть послезавтра в Гонконге.

– В день казни пиратов?

– Конечно. И именно поэтому ваше присутствие в иностранной колонии покажется весьма естественным. Пожалуйте прямо ко мне отобедать. А за это время мне, может быть, удастся узнать что-нибудь интересное. Не падайте духом. А пока – спокойной ночи!

Беседуя таким образом, друзья добрались до английской фактории, где слуги Минга поджидали его с паланкином.

– Благодарю! До послезавтра, – со вздохом попрощался мандарин, расталкивая сапогом уснувших носильщиков. – Но все же я ничего не понимаю. Ничего.

И с видом фаталиста, покорившегося судьбе, он тяжело опустился на подушки паланкина.

Перкинс миновал сады фактории и вошел в комнату, где они остановились вместе с сэром Артуром Мюрреем.

– Что нового? – спросил сэр Артур, поджидавший Перкинса.

– Все устроено, – весело ответил капитан. – Минг вел себя превосходно и минутами казался даже довольно сообразительным.

– Значит, мы получим тело Пей Хо?

– Конечно, и совсем свеженькое, прямо с виселицы.

– Великолепно. А я только что вернулся из Гонконга. Мы сговорились с доктором Клифтоном. Он обещает сделать все, что нам потребуется. А это очень опытный хирург… Во сколько обошелся вам Пей Хо?

– О, чрезвычайно дешево. Сорок пиастров до петли и полсотни – после.

– Просто даром.

– Вот и отлично. Одним словом, можно сказать, что день не пропал у нас даром.

Перкинс пожелал сэру Артуру спокойной ночи и скоро заснул, не вспоминая о несчастном Минге, для которого он оставался последней и единственной надеждой.

Глава II
В гостях у И Тэ

С отчаянием в душе вышла мадам Лиу из дворца наместника и поспешила к дочери в тюрьму.

С тех пор они не расставались. Только раз мадам Лиу съездила в Фун-Зи на допрос по поводу ограбления ее дома и исчезновения Мэ Куи.

Не подозревая, какую ужасную роль сыграла легкомысленная девушка в гибели ее дочери, она от всей души ее жалела и, жалея, почти забыла о грабеже.

Впрочем, все эти горести исчезали перед надвигающимся на Лиу Сиу кошмаром. Несмотря на внимание принца Конга и клятвы капитана Перкинса, надежды ее таяли с каждым днем. Каждый час, каждый миг приближал ее к ужасной минуте. И горе ее росло, отчаяние заполняло душу.

Но в тюрьме она старалась бодриться, скрывая под улыбкой душившие ее рыдания. Всеми силами старалась она поддержать Лиу Сиу. А Лиу Сиу страдала не только физически, но и душевно.

Ее перевели в чистенькую сухую камеру, подальше от двора пыток, и приставили к ней немую тюремщицу, к которой она сильно привязалась.

Раны на ее пальцах понемногу затягивались, остались только следы от браслетов-тисков. Душевная же рана не заживала. И мадам Лиу напрасно старалась ее развлечь и утешить.

Лиу Сиу таяла с каждой минутой. Щечки ее ввалились, глаза не просыхали от слез. Целыми днями сидела она на циновке и молчала, смотря в одну точку. И мать поняла, что тайное горе подтачивает ее жизнь.

Иногда бросалась она на шею матери и вот-вот готова была заговорить. Но руки ее разжимались, и она снова впадала в прежнюю прострацию.

Мадам Лиу не знала, что и думать, и боялась одного – как бы пережитые дочерью потрясения не отозвались на ее психике.

Однажды утром, видя, что Лиу Сиу еще печальнее и бледнее, чем накануне, она взяла ее на колени, как брала ее маленькой девочкой, и сказала, осыпая поцелуями ее исхудавшее личико:

– Разве ты меня больше не любишь, моя детка? Почему ты все молчишь и не отвечаешь на мои вопросы? Не бойся этого проклятого приговора. Убийцу скоро найдут, и мы скоро вернемся в наш милый домик в Фун-Зи. Нам будет так хорошо и спокойно! И эти ужасные дни промелькнут для нас как страшный сон. Не плачь, моя девочка, и скажи прямо: что с тобой?

Лиу Сиу долго молчала.

– Значит, И Тэ умер, раз ты никогда не вспоминаешь о нем? – спросила она наконец, не поднимая глаз.

– О нет, наоборот. И Тэ лежит в городской больнице. Он еще очень слаб, но с каждым днем поправляется.

– Правда? – спросила она, заглянув в глаза матери. И бледная счастливая улыбка засияла в глубине ее глаз.

– Честное слово! Я каждый день справляюсь о его здоровье. Сегодня утром меня порадовали хорошими известиями. Доктор долго боялся за его разум из-за этой ужасной…

– Да-да, я знаю, – перебила с дрожью Лиу Сиу, которая не могла забыть ужасной пытки.

– Но он пришел в себя и чувствует себя довольно бодро.

Лиу Сиу теснее прижалась к матери.

– Я хотела бы с ним повидаться, – сказала она так тихо, что мадам Лиу, скорее, угадала ее слова.

– Повидаться?

– Да. Ведь я причина всех его страданий. Из-за меня его арестовали и мучили. Из-за меня он умрет, как убийца… Я хочу попросить у него прощения.

Лиу Сиу говорила с нарастающим волнением, и по странному тону ее и по блеску глаз мадам Лиу наконец поняла, что творилось в этом истерзанном сердечке. Тихо-тихо прижала она ее к себе и нежно спросила:

– Значит, ты его любишь?

– Не знаю, – ответила Лиу Сиу. – Только мне хотелось бы, чтобы он простил меня перед смертью.

– Но вы не умрете! Ни ты, ни он. Я в этом твердо уверена. Я постараюсь сегодня же устроить вам свидание. О, я уверена, что они разрешат.

Она бережно уложила Лиу Сиу на циновки, еще раз поцеловала и, поручив ее немой, тихо вышла. Через четверть часа она возвратилась, и Лиу Сиу, все время не спускавшая глаз с дверей, угадала по лицу матери, что свидание разрешено.

Начальник тюрьмы охотно согласился на все. Как и Минг, он побаивался принца Конга за жестокое обращение с арестованной. И он ухватился за случай, чтобы показать себя гуманным и не озлоблять матери, имевшей доступ ко дворцу.

Правда, чтобы не рисковать перед законом, он приказал караульному офицеру сопровождать арестованную.

Обрадованная таким исходом Лиу Сиу почувствовала, что сердце ее переполнено, и, несмотря на слабость, быстро собралась в путь.

Но это уже не была свежая и вечно смеющаяся девушка, которой сулили безоблачное счастье. За месяц она состарилась на десять лет. С трудом добралась она до наемного паланкина, за которым послала мать, потому что до больницы было довольно далеко.

Больница считается одним из лучших зданий Кантона. Великолепные сады окружают ее со всех сторон. Расположена она среди татарского города, рядом с дворцом принца Конга.

Но Лиу Сиу не заметила ни садов, ни шумной праздничной толпы на улицах, ни шествия бонз, ни марширующих солдат. Сердце ее и все помыслы рвались к тому, кого она сейчас увидит.

В больнице мадам Лиу предъявила пропуск от начальника тюрьмы – и двери распахнулись перед ними. Их проводили к постели И Тэ, и в доме, полном человеческих страданий, у постели искалеченного пыткой разыгралась сцена, полная глубокого трагизма.

Юный ученый лежал в отдельной комнате, возле которой день и ночь стоял часовой. Он был так слаб, что почти не шевелился. Раны его еще не затянулись и причиняли ему жестокие мучения. А на висках отчетливо выделялся след от железного обруча. Казалось, череп его изменил свою форму, глаза неестественно расширились и как бы выкатились из орбит. А судорога боли так и застыла в складках губ.

Зато сознание возвратилось. И когда Минг, слишком заинтересованный в поимке убийцы, лично попробовал его допросить, И Тэ твердо ответил:

– Вы приговорили меня к смертной казни и не имеете права мучить меня допросами. Оставьте меня в покое, дайте мне спокойно умереть.

Увидев, что в палату входит много народу, И Тэ сразу не понял, в чем дело. Он привык видеть только врачей и часовых, а тут мелькнуло два милых знакомых лица, напомнивших ему лучшие минуты его жизни. Ему показалось, что это чудный сон, за который он мысленно благодарил Будду. Но вдруг сознание прояснилось – и, протянув руки, он прошептал имя Лиу Сиу.

Лиу упала на колени и припала к его исхудалой руке.

– Я погубила тебя, И Тэ. Простишь ли ты меня когда-нибудь, мой бедный!

Больной ответил ей улыбкой, и слезы счастья блеснули на его ресницах.

Он понял, что любим. Все страдания были забыты, и он благословлял их как источник счастья.

Долго-долго длилось молчание. Мадам Лиу затаила дыхание, не смея прервать эту чистую беседу двух душ.

И Тэ первый нарушил молчание.

– Вот видишь, – сказал он кузине тем тоном, каким они беседовали в детстве. – Все это должно было случиться, и мне нечего тебе прощать. В книге судьбы было написано, что нам не суждено жить вместе. Поэтому мы должны соединиться по смерти. Не надо спорить с судьбой. Ты здесь, со мною. Я чувствую, как твоя рука ласкает мои пальцы. И все страдания забыты. Я только молюсь об одном: как бы настолько окрепнуть, чтобы в день казни быть бодрым и твердым, как подобает невинно осужденному мужчине. Я постараюсь поддержать тебя примером. Как жаль, что у меня нет двух жизней, чтобы выкупить тебя у судьбы.

– Мы вовсе не умрем, И Тэ, – перебила она со слезами в голосе. – Ты, значит, не знаешь, что случилось.

И она быстро рассказала ему все, что предприняла мадам Лиу.

– Все это грезы, – тихо возразил осужденный. – Не верь надеждам, дорогая. Да и я не хочу надеяться, потому что уверенность в близкой смерти дает мне право сказать, что я тебя люблю.

Лиу Сиу молчала. Холодок счастья пробежал по ее душе.

– Да, люблю, – продолжал юноша, – и величайшим счастьем будет для меня повторить тебе это слово в минуту смерти. Я крикну тебе «люблю» под ножом палача, истекая кровью.

И, собрав все силы, он наклонился к Лиу Сиу и припал долгим поцелуем к ее наклоненному лбу. Потом, измученный сильным волнением, бледный как мертвец, упал он на циновку и чуть слышно прошептал:

– Я не только прощаю – я благодарю и обожаю тебя.

Лиу Сиу казалось, что он умирает. Она громко вскрикнула и бросилась ему на грудь.

– Не беспокойтесь, сударыня, – вмешался доктор, вошедший в палату во время их беседы, – с ним часто бывают обмороки. Он слишком переволновался. Оставьте его, он должен отдохнуть.

В устах врача это было приказанием.

Лиу Сиу поняла. Она наклонилась к бескровному лицу И Тэ, поцеловала его долги нежным поцелуем и бодро вышла из комнаты.

Но, уходя, она почувствовала, что вся ее душа остается с больным.

Глава III
Жуткая встреча

Мать и дочь уселись в паланкин и двинулись обратно в тюрьму в сопровождении конвойного офицера и достигли Тенанских ворот, разделяющих татарский и китайский город.

Это была огромная каменная арка высотой в сорок футов, под которой даже летом стоит прохладный полумрак. Носильщики углубились под арку и вдруг остановились, попав в давку. Они отодвинулись к самой стене, ожидая минуты, чтоб стало свободней, как вдруг Лиу Сиу почувствовала, как чья-то рука тяжело опустилась ей на плечо.

Она вздрогнула и обернулась.

Высокий, кряжистый мужчина просунулся в паланкин и схватил ее за плечи. Она онемела от неожиданности, хотела крикнуть, но не успела. Незнакомец рванул ее к себе, впился ей в губы поцелуем и снова оттолкнул, говоря:

– Теперь ты знаешь, что такое месть. Мы увидимся еще раз, у твоей виселицы. Я хотел бы влезть по столбам и выпить последнюю каплю твоей крови. Недаром я мясник и зовут меня Красным Пауком.

– Спасите, – крикнула Лиу Сиу, обезумев от страха и отвращения.

Она узнала мясника, хоть никогда не обращала на него внимания. И вдруг ей показалось, что она уже слышала этот голос, хотя никогда не говорила с ним.

Но где? Когда? При каких обстоятельствах? Она силилась вспомнить, но память изменяла ей, а дрожь отвращения била ее, как припадок желтой лихорадки.

Мадам Лиу бросилась на крик. Она обхватила дочь руками и растерянно оглядывалась. Ни конвойный офицер, ни носильщики ничего не заметили.

– Здесь. Возле меня. Я его узнала, – лепетала молодая женщина с расширившимися от ужаса глазами, показывая на самое темное место прохода.

– Что случилось? Кого ты узнала? – напрасно добивалась мать.

– Его. Убийцу.

– Какого убийцу? Кто это? Да отвечай же, ради Неба.

– Теперь я знаю, кто убил. Это Чу, мясник, наш сосед по Фун-Зи. Ты помнишь?

– Чу, Красный Паук?

– Да, Красный Паук. Я чувствую, как он укусил меня в губы.

– Успокойся, детка! Это тебе померещилось. Ты заснула, и тебе показалось во сне.

– О нет, я хорошо разглядела. Я помню. Это тот же самый голос, который я слышала только раз, в ночь моей свадьбы, на даче Линга. Я его никогда не забуду. Мне страшно. Страшно! – И, похолодев от ужаса, она закрыла глаза и крепче прижалась к матери.

Мадам Лиу уложила дочь в паланкин и попросила носильщиков скорее двигаться.

Возвратившись в тюрьму, Лиу Сиу немного успокоилась, собралась с мыслями и подробно рассказала про встречу под сводом Тенанских ворот. Не утомляя ее расспросами, мадам Лиу поручила ее немой и бросилась на квартиру Минга.

После аудиенции у принца Минг почти не отлучался из города. Он поднял на ноги всю полицию и приказал, чтобы агенты являлись к нему с докладами во всякое время дня и ночи.

Но дни шли за днями, а следов убийцы не находилось. Бедный мандарин потерял сон и аппетит, что для него было признаком глубочайшего отчаяния. Он часто просыпался по ночам, и прибегающий на его крики слуга не раз заставал его в ужасном виде. Босой, в одной рубашке, с расплетенной косой, метался толстый мандарин по комнате, как бы увертываясь от бамбуковой палки. Кошмар был так реален, что ему казалось, будто палач отвешивает ему удары с особенным наслаждением.

Несчастный мандарин влачил жалкое существование, судорожно цепляясь за самую призрачную надежду. Поэтому он поторопился принять мадам Лиу, как только ему доложили о ней.

Из самолюбия он принял чинный и спокойный вид, как подобает человеку его служебного положения, и вежливо предложил ей присесть и рассказать, в чем дело.

Но мадам Лиу было не до церемоний. Очутившись в кабинете Минга и совершенно забыв о том, что беседуют они в присутствии секретаря, она прямо подошла к цели.

– Вы так же, как и я, заинтересованы в том, чтобы найти убийцу Линга.

– Я думаю, – живо ответил председатель. – Как не быть заинтересованным! Да я заинтересован больше вас, куда больше.

– Дело идет о жизни моего ребенка, – мягко поправила мадам Лиу.

– А для меня – о моей чести судьи, – отпарировал мандарин.

– Ну так вот: я знаю, кто убийца.

Минг подпрыгнул на месте.

– Вы…

– Моя дочь его видела.

– Где?

– Под сводом Тенанских ворот, когда мы возвращались из больницы, где умирает несчастный И Тэ.

– Под сводом Тенанских ворот? И вы его не задержали?

– Он скрылся в толпе, пользуясь темнотой.

И мадам Лиу подробно рассказала все.

– А что это за человек? Откуда вы его знаете?

– Это наш бывший сосед по Фун-Зи, мясник по имени Чу.

– Чу. Постойте. Не тот ли это Чу, которого мальчишки звали Красным Пауком?

– Он самый.

– Но если так – Перкинс настоящий колдун. А я, я просто дурак!

Нечего и говорить, что последние слова Минг произнес про себя.

– Ничего не понимаю.

– А я великолепно понимаю. Кажется, этот тип покинул Фун-Зи после помолвки вашей дочери?

– Приблизительно. Во всяком случае, его лавка закрылась три месяца тому назад.

– Значит, он был влюблен в Лиу и убил ее мужа из ревности?

– Теперь я в этом убедилась.

– Но где же его отыскать?

Мадам Лиу усмехнулась.

– Если он был в Кантоне полчаса тому назад, он, во всяком случае, недалеко.

– А ведь правда… Положительно я теряю голову. Вы слышите, Тин-Тонг?

– Слышу, господин, – почтительно ответил секретарь, присутствовавший при этой беседе.

– Скорей за Фо Гопом.

Тин-Тонг бросился к двери.

– Впрочем, нет, я сам поеду, – остановил его Минг и заколотил в гонг, служивший ему вместо звонка. Полдюжины слуг влетели в комнату.

– Живо. Мой паланкин и лучших носильщиков, – приказал Минг и, доставая шляпу, бормотал про себя: – Чу, мясник, Красный Паук… О, если бы не упустить добычу.

Через минуту слуга доложил, что паланкин ожидает у выхода.

– Вы, кажется, не отпустили паланкин? – спросил Минг у мадам Лиу.

– Нет, – ответила она.

– Попрошу вас сопровождать меня к полицейскому префекту. Мы не можем терять ни минуты.

И толстый Минг помчался к паланкину, как будто надежда избежать бамбуковых палок внезапно возвратила ему юношескую ловкость.

Носильщики крякнули от тяжести, но все же быстро двинулись вперед. Носильщики мадам Лиу старались из самолюбия не отставать, и хотя их было только двое и они устали от предыдущего конца, все же они добрались до полиции одновременно с грузным мандарином.

Минг предложил ей руку и ввел в кабинет Фо Гопа.

– Если Чу еще в городе – он уж не выберется, – ответил префект, внимательно выслушав их.

– Как так?

– Я велю закрыть все городские ворота под предлогом, что разведчики повстанческой армии появились в окрестностях.

– Великолепно.

– Кроме того, я прикажу начальнику порта сомкнуть цепи, чтобы ни одно суденышко не могло выйти из гавани.

– Вы – гениальный человек!

– Затем пятеро лучших агентов с надежными отрядами обыщут сегодня ночью все притоны города и предместий. Ти-пао получат приказ задерживать всякого подозрительного прохожего.

Ти-пао значит «ночные сторожа». На каждой улице свой сторож обязан знать всех жителей в лицо и внимательно следить за ними. Это ловко придуманная организация могла бы быть бичом преступного элемента, не будь у нее огромного недостатка: стражи разгуливают по улицам, колотя в деревянные цилиндры вроде трещоток с зажженным фонарем у пояса. Поэтому воры видят и слышат их издали и спокойно воруют, чувствуя себя в полной безопасности.

– Только, – продолжал Фо Гоп, – мне необходимо знать приметы преступника.

– А ведь правда… А я и не спросил об этом, – наивно удивился Минг. – Мадам Лиу, вы, конечно, не откажетесь описать его наружность.

Мадам Лиу ответила так подробно, что почтенный мандарин пришел в восторг.

– Да я узнаю его среди тысячи, – повторял он, провожая ее к паланкину.

Появление вызванных Фо Гопом агентов прервало его восклицания.

Фо Гоп объяснил им, в чем дело, и, дав самые подробные инструкции, собрался их отослать, как вдруг почтенный мандарин, напустив на себя необычайную спесь и деловитость, сказал решительно:

– Помните, что убийцу надо достать хотя бы из-под земли. Не то каждый из вас получит завтра утром по двадцати бамбуковых палок.

Несчастные агенты поклонились до земли, не смея ни жаловаться, ни протестовать, и молча вышли из комнаты.

– Какой вы, однако, строгий, дорогой мой, – заметил Фо Гоп. – По двадцати бамбуковых палок, если преступник не будет пойман. Щедрый вы на палки, нечего сказать.

– Вы отлично знаете, что мне угрожает в пять раз больше.

– Это правда. Но на пять человек выходит тоже сотня.

– Однако ваши шутки становятся жестокими.

– Потому что это только шутка. Я уверен, что вы избегнете этого унижения.

– О, если б это было только унижением, – горестно вздохнул Минг.

– А знаете, что я придумал? – сказал вдруг Фо Гоп. – Чем сидеть сложа руки, положившись на своих агентов, не лучше ли принять и нам участие в поисках?

– Вы думаете?

– Да. Двинемся вместе с агентами.

– И… вы серьезно думаете это сделать? – сразу струсил Минг.

– Совершенно серьезно. Кажется, вы хорошо запомнили наружность Чу?

– Я думаю.

– Ну так поезжайте домой, переоденьтесь в костюм мелкого мещанина или небогатого купца. Хотя бы в тот, что вы надеваете, когда удираете по ночам от жены покутить в плавучих садах наслаждений.

– В садах наслаждений… Я… Да помилуйте… Вы могли бы…

– Мои обязанности предписывают мне знать решительно все, – спокойно перебил префект.

Это окончательно уничтожило Минга.

– Ну хорошо. Я пойду куда вам заблагорассудится.

Фо Гоп поклонился:

– В десять вечера я за вами заеду.

– Прекрасно. Буду ожидать.

Не успел он договорить эти слова, как стал раскаиваться. Минг понимал, что ввязался в рискованную экспедицию, которая шла вразрез с его привычками и характером. Но было поздно. И из самолюбия он решил молчать.

Молча пожал он руку коллеги, быстро сбежал с крыльца и по-военному прикрикнул на носильщиков. Носильщики испуганно вскочили и впряглись в паланкин.

Так мирный и ленивый председатель внезапно превратился в воинственного громовержца.

Глава IV
Ночной Кантон

Несмотря на напускную храбрость, Минг раз двадцать проклял план Фо Гопа, пока испуганные носильщики дотащили его до городской квартиры.

Он прекрасно знал, что представляют из себя кантонские предместья, особенно ночью. Из своей судебной практики он знал, какие жуткие типы ютятся в его притонах и какие преступления там совершаются. Память услужливо рисовала ему самые ужасные факты.

Вот почему настроение Минга было испорчено.

И только к вечеру, плотно покушав и отведав тонких французских вин, Минг немного взял себя в руки.

Фо Гоп явился ровно в десять и застал его в костюме завсегдатая трущоб. Из самолюбия Минг старался казаться спокойным и довольным.

– Мои приказания исполнены с такой точностью, – сказал ему Фо Гоп, – что даже вас не пропустили бы на дачу. Город заперт и забаррикадирован, точно армия тайпинов подступила к городу на ружейный выстрел.

– Едем, – отрывисто ответил мандарин, точно кавалерийский конь, заслышавший боевую трубу.

И первый двинулся к выходу.

Но, перешагнув порог и не видя на улице ни души, он быстро обернулся к Фо Гопу и спросил дрогнувшим голосом:

– Как! Неужели вы один?

– Совершенно один. Нам нечего делать в центре. Поэтому я отослал своих агентов к воротам Цинг-Хэ и приказал ждать нас. Сейчас мы туда и направимся.

У Минга отлегло от сердца.

– Впрочем, нас ожидают только два агента, – продолжал Фо Гоп.

– А…

– Но зато один из них чрезвычайно ценный работник. Это – сын Сун По, которого вы недавно приговорили на три месяца в колодки. Я обещал ему добиться помилования отца, если он окажется полезен.

– И он согласился?

– С величайшей радостью. Кроме того, я ему пообещал забыть его старую дружбу с преступным миром, с которым он вас познакомит сегодня. Он проводит нас к королю нищих и в разные места, где кутит или скрывается убийца Линга.

– Король нищих? Это что еще за штука?

– Ну да, разве вы не знаете, что нищие объединяются в целую ассоциацию, с уставом и префектами? Что они выбирают себе короля?

– Слыхал, но, признаться, не верил.

– А теперь увидите собственными глазами.

Беседуя таким образом и миновав не менее десяти застав и патрулей, оба мандарина дошли до ворот Цинг-Хэ.

Фо Гоп назвал себя караульному офицеру, и их пропустили в предместье.

Агенты спали у моста под огромными глиняными чанами, расставленными вдоль реки.

Коллега Сун По оказался полицейским унтером. Крепкий и коренастый, он был типичным южанином. Звали его А Мои.

Услыхав скрип ворот, агенты вскочили и, вытянувшись, ждали приказаний.

– Идем, – скомандовал Фо Гоп.

Унтер низко поклонился и пошел вперед, показывая дорогу. Они направились к Хонанскому мосту и, очутившись на острове, свернули в лабиринт грязных топких улиц.

Несмотря на поздний час, квартал казался шумным и людным. На каждом шагу встречались прохожие; из каждого жилья доносился разноголосый шум, показывающий, до чего китайцы привыкли жить ночною жизнью.

– Давайте остановимся здесь, – предложил вдруг Фо Гоп.

Стояли они перед подозрительным домом, куда то и дело шмыгали какие-то подозрительные личности.

– Давайте, – согласился Минг. – А что это за логово?

Действительно, дом не внушал никакого доверия. Глухой фасад с полуобвалившейся штукатуркой, весь в трещинах и щелях. За дверью длинный коридор, освещенный двумя коптящими фонарями. Стены в пятнах и грязных надписях.

– Это логово, – объяснил Фо Гоп, – один из ваших постоянных поставщиков.

– Как так?

– Я говорю об уголовных процессах. Это один из гнуснейших притонов провинции.

– И вы думаете туда забраться? – с дрожью в голосе спросил председатель.

– Конечно, если вы не предполагаете, что лучше искать убийцу в апартаментах принца Конга.

– Вы правы, – вздохнул несчастный мандарин, сразу подтянувшийся при имени наместника. – Войдемте.

Фо Гоп оставил агентов у входа и зашагал вместе с Мингом по коридору. Пройдя шагов двадцать, они заметили широко раскрытую дверь, ведущую в просторный зал, где сидело и стояло не менее пятидесяти человек. Густой дым висел над толпою, и в дыму не сразу можно было разглядеть собравшихся.

Но, привыкнув к дыму и свету, Минг стал внимательно осматриваться.

Вдоль стен шли широкие скамьи, покрытые циновками. На них сидели и лежали молчаливые курильщики, равнодушно глядя на все, что творилось перед ними.

А посреди зала группы игроков шумно толпились вокруг игорных столов, и над ними висела отборная брань, грубые шутки, крики радости и проклятия.

Судя по костюмам и повадке, игроки были из самых разнообразных слоев кантонского общества. Одни казались почтенными купцами, другие – ремесленниками, третьи – просто подозрительными типами неопределенных занятий. Но столы были буквально завалены пиастрами, слитками золота и серебра, и мандарины поняли, что не они одни явились сюда инкогнито.

Остальные либо держали пари, либо шумно следили за игрой, приходя в восторг от удачных ходов. Карты были вроде европейских, с той только разницей, что вместо дам, королей и валетов на них были нарисованы фантастические птицы или гримасничающие драконы.

На хорах тоже толпилась публика, спуская свои ставки в маленьких корзиночках. Но эти корзиночки почти всегда поднимались обратно пустыми.

Внимательно оглядев посетителей и не заметив никого, похожего на Чу, Фо Гоп протолкался сквозь толпу любопытных к главному игорному столу.

Здесь состязались двое игроков. Игра была крупная, и публика напряженно следила за всеми ее перипетиями, подзадоривая противников невольными жестами и восклицаниями.

Один из них был еще молод, но закален в игре; на неподвижном лице его нельзя было прочесть ни малейшего волнения.

С каждым мгновением, с каждым ходом кучка серебра и золота росла перед ним, и он холодно сгребал деньги, чуть заметно улыбаясь странной улыбкой, в которой не было радости, но светилась холодная ненависть к тому, кого так спокойно он разорял.

Другому было лет под пятьдесят. Его исхудалое лицо говорило о всех пороках. Давно потухли его ввалившиеся глаза. Бледные сморщенные губы, дрожащие руки и лихорадочная торопливость жестов ясно указывали на злоупотребление опиумом.

Играл он нервно, торопливо. Все время проклинал судьбу. И с каждой новой неудачей терял голову. Когда же последний ход лишил его последней монеты, он с проклятием вскочил с места. Толпа отхлынула, боясь его ярости. Но он внезапно успокоился и молча пере-

шел в соседнюю комнату, специально приспособленную для курения опиума. Под влиянием опиума он забудет проигрыш и появится надежда отыграться.

– Идем, – сказал Минг, когда неудачный игрок исчез за дверью. – Красного Паука здесь нет. Не будем терять времени попусту.

И оба мандарина вышли на улицу и двинулись дальше при свете фонарей ночных ломбардов, неизменных спутников и соседей игорных домов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.